

**НОВЫЕ
ГЕРОИ**

**НАШ ЧЕЛОВЕК
ВО ВСЕЛЕННОЙ**

ДМИТРИЙ РАСПОПОВ
СЫН ГАЛАКТИКИ

Annotation

Он не просто капитан космического корабля, он подлинный вершитель судеб многих миров. Он создал могучий звездный флот и успешно противостоял вторжению роботов-берсеркеров. Даже искусственный суперинтеллект Келлер считает его гением. А ведущая галактического канала новостей Таша Ирда от него просто без ума. Между тем на своей родной планете будущий спаситель галактики был настоящим изгоем. И долгое время единственной доступной ему радостью оставались компьютерные игрушки. И если бы не счастливая случайность... Впрочем, трудно назвать случайностью то, что было запланировано двести лет назад. Единственное, что нельзя было запланировать, так это то, что в ранг спасителя попадет обыкновенный земной парень.

Дмитрий Распопов

Сын галактики

Центральный мозг келлеридов находился в непонятном состоянии. Трудно было точно описать эти биоэлектрические процессы, творящиеся в недрах серверов, но, изучая записи допросов особей расы «люди», он узнал о состоянии, близком к тому, которое сейчас испытывал. Так они вели себя, когда дроны-ученые подсоединяли их мозг к считывателю информации и включали его. В записанной информации такое состояние людей называлось страхом.

По-другому описать текущие в нем процессы центральный мозг не мог, так как до этого момента с ним не происходило ничего подобного – даже когда объединенный флот людей, пентагрионов, астан и теронов уничтожил центральные мозговые центры других серий их расы: терроидов и блазроидов. Когда по каналу связи пришли сообщения о разрушении командных центров, мозг подсчитал свои шансы на успех – они составили 40,1234 процента (без учета дальних баз, которые он сразу начал строить, узнав об объединении флотов враждебных рас).

На постройку этих баз, практически у самого края галактики, в секторе 45321–34/0, – мозг тратил тридцать процентов всех своих производственных мощностей, даже выделив им одну пятую своего процессорного ресурса для постоянного наблюдения за строительством и развитием. Специально для этих целей он создал в этой области небольшой командный центр с одной-единственной задачей: разведывать все в пределах сектора, строить сырьевые и промышленные базы. Причем сосредоточить силы на постройке космических кораблей и поиске сырьевых баз.

На все это расходовались огромные ресурсы как дронов-строителей, так и сырья, пополнять которые из-за непрекращающихся атак бесчисленного количества охотников с каждым месяцем становилось все труднее и труднее. Охотники, как назойливые мухи, прилетали на своих быстрых, отлично вооруженных кораблях и за несколько часов полностью уничтожали инфраструктуру добычи ресурсов в тех секторах галактики, где существовали условия для работы дронов-рабочих.

Мозг больше не мог прогнозировать, какие производственные сектора подвергнутся атаке, поэтому все, что ему оставалось, – это держать свой флот в наиболее стратегически важных производственных и сырьевых секторах.

После того как несколько веков назад все расы галактики объединили свои силы в общий флот, а правительства стали платить даже за обломки разрушенных кораблей берсеркеров – во всех расах резко увеличилось количество охотников. Даже многие пираты стали подрабатывать сбором и продажей этих частей. Военные патрули на базах сквозь пальцы смотрели на пиратские корабли, когда те прилетали сдавать добытое.

Именно тогда мозг расы келлеридов определил двадцатипроцентное возрастание угрозы для себя лично. С каждым десятилетием этот процент увеличивался, добавляя строки в статистику потерь боевой и промышленной базы келлеридов. Увеличение выпуска военной техники ни к чему не привело: объединенный флот разбивал любые крупные формирования берсеркеров, а если они дробили свой флот на множество мелких, то на них сразу накидывались десятки кораблей охотников, жаждущих отхватить лакомый кусок.

Всего столетие назад пали командные центры блазроидов и терроидов, в это же время угроза возросла до критической отметки: шестьдесят процентов. Именно тогда мозг принял

решение о создании на краю галактики новой промышленной и сырьевой базы. С ее полным запуском он не успел всего на два десятилетия, так как объединенный флот рас вычислил его местонахождение и теперь расположился тут, в секторе 12007-12/3, перекрывая командному центру выход в гиперпространство.

В этом секторе имелись единственные врата, позволявшие осуществить такой выход, к тому же именно в нем располагалась одна из важнейших сырьевых областей, в которой добывалось столь необходимое для кораблей берсеркеров топливо из антиматерии.

Находившаяся на краю этой области небольшая пространственная аномалия открывала проход в неизвестную часть Вселенной. Дополнительной удачей было расположенное возле этого искривления огромное природное скопление антиматерии. Мозг подгонял к аномалии дронов-рабочих, которые с помощью установленных на них силовых захватов добывали небольшие куски антивещества и перевозили их на построенную рядом перерабатывающую фабрику. Попытки отправить дронов-разведчиков за искривление ни к чему не приводили – дроны просто исчезали, не подавая с той стороны никаких сигналов, так что вскоре мозг перестал разбазаривать бесценный ресурс. Впрочем, сама находка такого скопления антивещества была настолько важной, что мозг после обнаружении месторождения добавил к своим шансам на победу целых десять процентов.

До нахождения этого сектора командному центру приходилось возить топливо из другой части галактики, что существенно затрудняло своевременное снабжение кораблей и энергетических станций промышленных баз. Именно поэтому для последней битвы он стянул все оставшиеся корабли сюда. Потеря такой стратегически важной точки, а также полностью перекрытые охотниками маршруты до другого источника антиматерии в секторе 3980-14/8 неминуемо привели бы к сокрушительному поражению. Хотя и сейчас шансы на успех сокращались с каждым часом, поскольку информация, получаемая от дронов-разведчиков, встроенных в астероиды, свидетельствовала о ежеминутном увеличении состава группировки объединенного флота. А поскольку его командиры по опыту знали, что уничтожение мозга одной из рас берсеркеров ведет к полной остановке деятельности всей инфраструктуры данной расы, то на последнюю битву с командным центром келлеридов стянулись все.

Мозг переключил все свои участки, ранее отвечавшие за создание ресурсов и постройку баз, на анализ ситуации и поиск выхода из нее. Триллионы вариантов мелькали за долю секунды, но варианта, дававшего хотя бы один процент шанса на успешный выход из ситуации, мозг не находил.

Тем временем объединенный флот, закончив концентрацию войск, выдвинул вперед все пятнадцать супердредноутов. Мозг сразу противопоставил им свои шесть супердредноутов – остальные были разрушены в предыдущих сражениях с тем же объединенным флотом.

Вся тактика боя этих гигантов состояла в обстреле врага издалека. Никакие другие корабли нельзя было использовать в том пространстве, в котором сражались эти колоссы, больше похожие на орбитальные базы. Огонь дезинтеграторов главных калибров супердредноутов был настолько мощным и плотным, что в области своего воздействия полностью разрушал молекулярные связи любого объекта. После таких сражений пространство, где проходил бой, превращалось в идеальный вакуум, если можно применить к нему такое понятие. В этих местах не оставалось потом ни одной песчинки, настолько разрушающим было действие дезинтеграторов.

Как и предсказывали вероятностные анализаторы командного центра, все шесть его

гигантов были уничтожены за двадцать минут: не помогло даже перекрытие защитных полей между супердредноутами. Изготовленные теронами дезинтеграторы кораблей объединенного флота – по иронии судьбы собранные из частей орудий самих берсеркеров – ничуть не уступали своим прообразам в мощи и дальности.

Увидев, как исчез последний корабль, мозг отдал оставшемуся флоту приказ атаковать. Теперь, когда дезинтеграторы били только с одной стороны, появилась хоть какая-то возможность для атаки чужого флота другими судами, и мозг бросил их все, в рассыпанном строю, на флот объединенных рас. Первыми рванули скоростные и маневренные шипы, за ними двинулись крейсера, а замыкали строй огромные торы.

Супердредноуты объединенного флота открыли огонь по атакующей лаве противника, и сразу в статистике потерь командного центра замелькали колонки увеличивающихся чисел. Прошло еще сорок минут, и сам мозг ощутил на себе всю мощь главных калибров супердредноутов, потому что объединенный флот, несмотря на все попытки кораблей келлеридов противостоять ему, практически полностью истребил их. Мозг впервые за несколько тысячелетий своего существования активировал все защитные экраны командного центра.

Еще через пять минут генераторы защитных полей перестали справляться с потоком разрушительной энергии, и прежде пустые колонки статистики, показывавшей повреждения корпуса центра, стали наполняться данными о получаемых разрушениях. Мозг понял, что еще 3,14687 минуты – и он просто исчезнет. Проанализировав эти данные, он переключил основные и резервные процессоры на решение единственной задачи – выжить. Не задействован был только один, управлявший защитными полями.

Когда до уничтожения оставалось 1,298 минуты, появилось решение с самой большой вероятностью выживания – одна сотая процента! Времени на дальнейший анализ не было, и мозг приступил к его исполнению. Подключившись к кристаллу управления дроном-рабочим, находящимся ближе всех к искривлению пространства, он начал копирование самораспаковывающихся матриц, отвечающих за сознание мозгового центра. Большинство собранных за тысячелетия данных пришлось пожертвовать из-за малого размера кристалла-накопителя дрона. Мозг записывал только основное: создание дронов, расположение сырьевых и технологических баз, устройство техники и оружия – и добавил события последних месяцев, чтобы при распаковке помнить, чем все закончилось.

Набив кристалл информацией до отказа, мозг отдал дрону последнюю команду – влететь в искривление пространства и не отключать двигатели до полной выработки энергии. Дрон стартовал одновременно с уничтожением защитных полей на базе командного центра и превращением в космическую пыль того, кто мешал обитателям галактики спокойно существовать несколько столетий.

Искривление, мигнув, всосало в себя дрона, «выплюнуло» его в другую точку Вселенной, и дрон, подчиняясь последней команде центра, полетел вперед.

Разведывательный корабль инетрогов, собрав данные о системе желтой звезды, возвращался домой. Искусственный интеллект корабля с легкостью управлял всеми системами и даже чувствовал удовлетворение от своей работы. Данные, собранные в этой планетной системе, были очень любопытны, и он был уверен, что ученые заинтересуются миром, где существует жизнь. Столь редкая находка давала ему надежду на продвижение по службе и даже возможность переноса сознания на более мощный корабль.

В предвкушении этого искусственный интеллект корабля расслабился, и потому не

сразу заметил, что сканеры показывают приближение неизвестного объекта. Включив электромагнитное маскировочное поле, ИИ стал изучать объект: очертаниями он напоминал подводные корабли-исследователи из его мира, но конструкция и спектр излучения двигателя чужака были ему совершенно незнакомы. Объект летел в сторону желтой звезды.

Понаблюдав еще несколько минут, ИИ принял решение принять этот странный объект на борт, благо размеры трюма позволяли его вместить. В том, что это корабль другой цивилизации, ИИ уже не сомневался. В таких случаях инструкция безоговорочно требовала одного: захватить неизвестный корабль, если это возможно, и, отложив все полетные задания, лететь домой. Если же объект проявлял агрессию, то лететь до зоны, откуда можно было направить световой луч информационной связи, предупреждающий ближайшие корабли инетрогов о появлении чужих.

Поскольку объект не делал ничего, что можно было бы считать агрессией, и по-прежнему двигался к звезде, то ИИ приступил к выполнению главного задания, заключавшегося в захвате чужака. Сблизившись с объектом, ИИ включил силовой захват. Когда скорость объекта упала, ИИ выдвинул из отсека манипулятор, оснащенный лазерным резаком, и принялся аккуратно вырезать двигатель из корпуса пленника. Тридцать минут сложной работы, и вот двигатель поплыл дальше, а в силовом захвате корабля – разведчика остался покореженный корпус.

ИИ втянул его в трюм. Интерес к пойманному объекту у него был огромен, и он решил попробовать сам провести первичный анализ. Отправив к грузу мини-роботов, ИИ стал ждать результатов. Произведенные исследования выявили неожиданный факт: объект не содержал ничего, похожего на оружие, а передние манипуляторы были оснащены какими-то устройствами, похожими на захваты.

Наиболее полезные сведения принес последний из мини-роботов, передав данные о наличии в объекте кристалла, похожего на кристаллы записи расы инетрогов, правда, с неизвестным интерфейсом ввода и вывода.

ИИ решил отделить накопитель от корпуса и попробовать расшифровать его данные с помощью своих интерфейсов. Мини-робот аккуратно отсоединил кристалл с записями и принес его в лабораторию, где ИИ с помощью манипуляторов приготовился к процедуре подключения.

Несколько часов потребовалось ему, чтобы отделить старые и приделать к кристаллу собственные интерфейсы. Когда кропотливая работа была выполнена, ИИ, подключившись к находке, начал перебирать всевозможные протоколы связи с накопителем информации. Ни один из стандартных протоколов не подошел.

ИИ испытал разочарование и решил попробовать использовать уже давно устаревшие протоколы – шанс был минимальным, но это было все же лучше, чем ничего.

Поочередно перебирая протоколы для установления связи с кристаллом, ИИ внезапно ощутил, что один из них подошел: правда, не до конца, но получить какую-то часть информации стало возможным. Установив связь с памятью, ИИ принялся скачивать данные. Как только первые биты информации попали к нему на накопители, произошло непонятное: байты информации, полученные от кристалла чужака, стали быстро расти в геометрической прогрессии, словно запустилась программа распаковки.

Не осознав таящейся угрозы, ИИ продолжал скачивать информацию, и, как только был скопирован последний бит, произошло ужасное – сознание ИИ и его кристаллические носители данных были мгновенно стерты неизвестным червем.

Непонятно, как его пропустили в систему мощные и чувствительные фаерволы корабля-исследователя, специально настроенные на подобные случаи, но этот червь смог преодолеть все преграды. Вслед за ним скачанная информация полностью заняла все свободные ячейки кристаллической решетки носителей.

Пискнула аварийная сигнализация корабля, и сработало реле защиты, предусмотренное создателями на случай, если ИИ корабля выйдет из строя. В результате все накопители и процессоры ИИ были заблокированы защитной программой. Затем включился миниатюрный сервер, в котором была заложена программа аварийной посадки на ближайшую планету, пригодную для долговременного хранения корабля. На межзвездные перелеты мощностей сервера не хватало, но посадить корабль на планету он мог вполне.

Повернув к третьей, обитаемой, планете желтой звезды, программа включила электромагнитную и оптическую маскировку для входа корабля в атмосферу.

Пронзая слои воздуха, корабль подобно яркому метеориту приближался к поверхности. Посадка прошла успешно, и программа аварийного управления выполнила последние процедуры для обеспечения возможности доступа высокоразвитым белковым организмам на борт корабля. Стоило объекту совместить ключ на люке корабля с ключом на его обшивке, как срабатывала программа открытия люка и разблокировки всех корабельных систем.

Выполнив последние инструкции, программа закончила свою работу, и корабль остался лежать среди небольших холмов, заросших густым лесом.

Прошло две сотни лет....

Глава 1

Начало

Усталый и злой, я шел из школы домой – сегодня была физкультура, и надо мной опять смеялся весь класс, потому что я не смог залезть по канату даже на треть его длины. Я ненавидел эти уроки и всегда старался их пропускать, но, к сожалению, физрук давно понял мои намерения и теперь всегда подкарауливал меня перед физрой. Ему доставляло огромное удовольствие провожать меня в раздевалку, чтобы я не сбежал, а уже потом, на уроке, вволю посмеяться над моей слабостью.

На физкультуре меня всегда ожидал кошмар: физрук завел отвратительную привычку устраивать из моих действий шоу для всего класса. Постоянно вызывая меня первым, он просил продемонстрировать какое-нибудь упражнение. Если со всякими гимнастическими фигурами у меня еще что-то получалось и одноклассники разве что громко хихикали, то любое мое упражнение на снарядах приводило к тому, что класс поголовно лежал от хохота.

Анализируя дома происходящее со мной, я не понимал, что заставляло меня выглядеть клоуном. Специально выходя вечером на стадион, я мог целых два раза подтянуться на перекладине, да и на брусьях отжаться, или там ноги вытянуть хотя бы раз получалось. Но на уроке, в присутствии одноклассников, не мог повторить даже этого, превращаясь в червяка, насаженного на крючок. Я дергался, извивался и в конце концов падал на маты, заставляя зрителей захлебываться смехом.

А когда я вставал и косился на хихикающих девчонок, то видел в их глазах только презрение. Они даже придумали мне кличку, которой называли меня все, – Червяк. Каждый год моего пребывания в школе был как несколько лет каторги: я множество раз порывался бросить эту школу, но, к сожалению, в нашем небольшом поселке их было всего три. В нашем дворе жили ученики разных школ, и потому там тоже были хорошо осведомлены и о моих выступлениях на уроках физкультуры, и о моей кличке. Даже домой я пробирался, как разведчик в логово врага – крадучись и прячась за деревьями.

Именно поэтому я каждый раз сдерживался и оставался в своей школе: в новой меня ждало то же самое, только к моему прозвищу добавилось бы еще слово «трусливый».

Словно стараясь всем отомстить, на остальных уроках я отвечал классу той же монетой. По всем предметам, кроме физкультуры, у меня были отличные оценки, но не потому, что я был зубрилой или учительским любимчиком, а только по причине своего одиночества и отличных знаний.

Да, держался я обособленно: ни с кем не дружил, не давал списывать и не подсказывал на уроках. Это ужасно всех раздражало, поэтому на мне отрывались на физкультуре и переменах.

Все свободное время я проводил дома за компьютером. Компьютер и Интернет были моими единственными отдушинами, в которых я полностью себя реализовывал. Весь курс школы я прошел за три последних года, скачивая учебники и задания старших классов школы из Интернета. Уже год, как я изучал программу второго курса физико-математического факультета одного из самых престижных вузов страны. Лекции и контрольные мне сканировали и присылали мои виртуальные знакомые, студенты этого факультета, которым я представился студентом-заочником из провинции, желающим подготовиться к сессии.

Так же как и новые знания, меня увлекали шахматы – я был заядлым онлайн-игроком на одном из самых сильных шахматных серверов мира. Играя там, я год от года совершенствовал мастерство, тренируя память и набирая рейтинг среди тамошних игроков. Сейчас я был в десятке сильнейших, и найти партнера по партии мне ничего не стоило: как только я появлялся в онлайн, ко мне, как к одному из лучших, выстраивалась очередь из желающих поиграть. Обычно, сыграв партию-другую для разминки, я читал институтские лекции, потом решал контрольные на закрепление материала, после чего давал себе часа три на обед и отдых.

Подкрепившись и отдохнув, я загружал свою любимую игру «Master of Orion 2» и за полчаса выигрывал гигантскую карту, играя за свою любимую расу меклар. Победив в «Master», я запускал какую-нибудь другую игру из жанра стратегии и какое-то время проводил за ней: возводя замки и укрепления, развивая экономику и поддерживая дипломатические контакты.

Как правило, пройдя миссию – другую, я возвращался в Интернет. До прихода тети (обычно она приходила поздно, в десятом часу вечера) я крутился на разных исторических форумах: особенно мне нравилось читать про великих полководцев. Моим кумиром был Сунь-Цзы и его «Искусство войны»: во всех играх при моделировании различных вариантов сражений я старался придерживаться его рекомендаций. К сожалению, не все игры позволяли в полной мере задействовать все мои навыки и воплотить в жизнь все придуманные варианты сражений.

Поэтому, посещая форумы, посвященные войне и воинскому искусству, я находил сценарии битв и выкладывал их на всеобщее обсуждение. Мы разбирали эти битвы до мельчайших деталей, определяя, как правильнее было бы поступить в той или иной ситуации. Помимо разбора самих битв я увлекался историей жизни и деяний этих полководцев – их подвиги настолько захватывали меня, что с каждым годом во мне зрела мысль, что я хочу стать в этой жизни чем-то большим, чем просто обычным мальчиком Вовой Курочкиным.

В третьем-четвертом классах, чем больше я выносил издевательств в школе, тем сильнее становилось это желание. Мне хотелось совершить нечто такое, после чего бы тетя мной гордилась, учителя восхищались, а все те, кто надо мной смеялся и издевался, умерли от зависти.

К пятому классу желание стать особым давало о себе знать только изредка, и то лишь в самые неприятные моменты жизни. А теперь я просто смирился с мыслью, что до окончания школы останусь таким, как есть. Потому-то я и сидел целыми днями в Интернете, уже не пытаясь что-либо изменить. До самого возвращения тети с работы я не вылезал с таких родных и спокойных форумов, когда же она приходила, отрывался от компьютера, чтобы поужинать и немного пообщаться с ней.

Нужно сказать, что тетя моей школьной жизнью интересовалась редко, проверяла только дневник. А там по всем предметам, кроме физкультуры, были пятерки. Раньше, до того как мама и папа погибли в автокатастрофе, я редко виделся с тетей (маминой сестрой) – до того ужасного дня, когда я пришел из школы и застал ее плачущей у нас дома. Она крепко обняла меня. И сказала, что моих родителей больше нет в живых. Сначала я не поверил ей. Как-то отстраненно думал, что этого просто не может быть. Осознание того, что все это не сон, пришло ко мне в тот дождливый осенний день, когда я стоял на кладбище рядом с тетей и смотрел, как маму и папу закапывают в землю.

Сейчас я уже смутно помню, что делал после того, как понял: все происходящее реально, и я больше никогда не увижу своих родителей, не услышу их голоса. Единственное воспоминание – это собственный крик, возгласы родственников и навалившаяся тьма. Выплыл я из нее только на следующий день, дома, в своей кровати. В придвинутом к ней кресле сидела тетя. Она так, сидя, и заснула. С тех пор мы жили вместе. У тети не было ни мужа, ни детей, и со временем она стала считать меня своим сыном. Постепенно и я привык к ней и воспринимал как маму, к тому же и внешне они были очень похожи.

Поужинав быстро разогретыми полуфабрикатами, мы разошлись: я – читать книги, а тетя – смотреть свои любимые сериалы. Когда тетя уходила спать, я немного выжидал, а потом садился за комп и открывал свою секретную папку. Три месяца назад знакомые с одного из исторических форумов затронули тему заработка, и в качестве одного из вариантов предложили игру на понижении и повышении курса валют.

Я поначалу отнесся к этому скептически, но мне показали один из сайтов фирмы, предлагающей такие услуги для всех желающих. Для начала можно было открыть тренировочный счет и на нем попробовать свои возможности в зарабатывании денег на реальном падении и повышении пар валют. Установив программу-клиента этой фирмы, я попробовал – как мне советовали мои знакомые – играть на коротких ставках.

Всего за три дня я удесятерил свой тестовый счет и, окрыленный такой удачей, завел уже реальный, переведя на него все накопленные деньги. Ровно за эти же три дня я спустил больше половины своих – уже не теоретических – средств. Не понимая причин такой неудачи, я принялся искать информацию в Интернете. Оказалось, что не все так просто и что фирмы, предоставляющие клиентам возможность для ставок и слежения за курсом валют, берут за каждую ставку комиссионные в размере двух-трех пунктов. К тому же на реальных счетах отследить своевременность сообщаемой информации и честность брокеров было невозможно. Выяснилось также, что не я один выигрывал на тренировочных счетах, но проигрывал на реальном счете.

Советов было всего два: либо найти высокооплачиваемого профессионального брокера для игр с валютой, либо разработать собственный клиент, чтобы играть без посредников. По понятным причинам первое мне было не по карману, а вот второе – достаточно реально. Хоть программист был из меня никудышный, найти в Интернете код программы и уговорить помочь друзей с форумов проблемы не составило. Решив в следующий раз подойти к процессу серьезно, я прочитал несколько книг о правилах игры на курсах валют и уже точно представлял себе, что можно делать и чего нельзя на коротких ставках.

Вот уже неделю у меня все шло довольно удачно, я вернул проигранные деньги и сегодня планировал получить прибыль. Просидев до трех ночи, я заработал две тысячи рублей. Результат был отличным, и я решил ложиться спать, пока не начал проигрывать. К тому же сегодня меня снова ждала каторга, ведь последним уроком была физкультура.

Встав утром, я позавтракал и отправился в школу. Быстро миновав школьных хулиганов и прошмыгнув в здание, я вздохнул немного свободнее: полпути до класса было преодолено – не каждый день мне сопутствовала такая удача. Бить меня эти поганцы не били, чаще пачкали одежду, отбирали или рвали тетради и книги, заставляли есть всякую гадость. При этом мне нужно было стонать и причитать, чтобы они закончили свое веселье побыстрее. Однажды я решил, стиснув зубы, терпеть все издевательства. Не видя реакции на их ухищрения, хулиганы издевались надо мной в три раза дольше, до самого начала уроков. Поэтому теперь я всегда делал вид, что мне плохо: их это забавляло, но быстро надоедало, и

меня отпускали. Мне повезло и во второй раз: я успел прокрасться в класс, минуя уже мальчишек-одноклассников, которые сидели и обсуждали что-то на подоконнике.

Поблагодарив богов удачи, я молча, ни с кем не здороваясь, подошел к своему месту и приготовил все необходимое к уроку математики. Сев за парту, я осмотрел ее: новых надписей не добавилось, что уже было хорошо. Вообще, вся моя парта была исписана оскорбительными надписями и стихами-вариациями с моей кличкой. Сначала я их стирал, а потом мне это надоело, и теперь я просто констатировал сам факт появления новых гнусностей.

Прозвенел звонок. Вместе с учительницей математики в кабинет зашла наша классная руководительница, «англичанка» Ольга Петровна. Подождав, пока рассядутся опоздавшие ученики, она сказала:

– У меня для вас хорошие новости – завтра мы идем в поход.

Все оживленно загудели. Ольга Петровна продолжила:

– Вы уже шестиклассники и вполне самостоятельны, поэтому завтра в шесть утра встречаемся возле школы.

Класс возмущенно зашумел.

– Я сказала – в шесть утра, – жестко повторила она. – Возле школы вас будет ждать автобус, и мы поедем в Рудный Ключ. Оттуда пойдем до Большой скалы, там конечная точка маршрута. Еды брать на один день, одеться в походную одежду и по погоде.

Ольга Петровна оглядела класс и еще тверже сказала:

– Надеюсь, вам излишне напоминать? Никаких сигарет и спиртного! Учтите, с нами будут Олег Валентинович и Владимир Петрович.

Вздрагнули даже хулиганы: если пойдут физрук и директор, то вполне реально, что они отберут все спиртное и выпьют его сами. В прошлый раз, когда мы ходили в поход с шестым «а», так и произошло: все спиртное, что взяли с собой посчитавшие себя взрослыми пацаны из обоих классов, было конфисковано и выпито взрослыми.

– А презервативы можно брать? – нагло поинтересовался Денис Иванов, вставая из-за парты. Он был одним из самых сильных и популярных у девочек парней школы и, по совместительству, главарем тех хулиганов, что трясли у всех деньги.

Девчонки покраснели и зашущукались.

Ольга Петровна грозно посмотрела на нарушителя спокойствия и ответила:

– Бери, Иванов, только думаю, что, кроме надувания воздушных шариков, ты не знаешь, зачем они нужны.

Иванов покраснел и сел на место, а все засмеялись. Я поймал себя на мысли, что хорошо, когда смеются не над тобой.

Классная ушла, оставив меня в глубоких раздумьях по поводу завтрашнего дня. На протяжении всех уроков я думал, как поступить: пойти – и тогда надо мной снова будет издеваться в походе весь класс, или не пойти – и навлечь на себя гнев классной и директора. Оба варианта меня мало прельщали.

За раздумьями я даже не заметил, как пришло время урока физкультуры. К счастью, сегодня физрук был чем-то занят и урок отменили.

Придя домой, я поел, сыграл пару партий в шахматы и открыл торговый терминал. Играть совершенно не хотелось, поэтому я решил подзаработать денег.

К вечеру я едва сумел собрать половину той суммы, что заработал вчера ночью. Не знаю почему, но сегодня мне не везло ни с моей основной парой валют, ни с другими.

Расстроившись, я закрыл программу и начал лазить по форумам.

Когда тетя пришла с работы, я ей сказал, что завтра иду в поход. Она начала собирать мне одежду и еду, а также разъяснять правила поведения в походе. Послушать ее, так можно подумать, что она сама в них через день ходит. Хотя я точно знал: последний раз она была в походе на втором курсе института. Решив не спорить, я все выслушивал и кивал.

Рано утром тетя долго меня будила, прежде чем я наконец смог подняться с кровати. Кряхтя, я мысленно сожалел, что лег после полуночи, ведь вставать пришлось в пять утра. Энтузиазма это мне не прибавляло, но после подъема в голове словно сработал автопилот, и я, почти не засыпая на ходу, проследовал в ванную. Умылся, оделся и позавтракал, и тетя вручила мне собранный рюкзак. Все еще не взбодрившись, я вышел на улицу и поежился.

«Хоть и лето на дворе, но рано утром еще прохладно», – подумал я и, с каждым шагом стряхивая остатки сна, потопал к школе.

К автобусу я заявился одним из первых, поздоровался с директором, классной и физруком и устроился на переднем сиденье, так как задние обычно занимали самые сильные ребята. К назначенному времени собрались все, и автобус тронулся. До поселка Рудный Ключ ехать было часа три, и почти все это время в салоне стояла тишина – все досыпали то, что недоспали дома.

Прибыв на место, мы вышли из автобуса и дальше отправились пешком. Путь до Большой скалы занял еще около часа, туда мы дошли уже изрядно вспотевшими и измученными. Распределив между учениками обязанности по обустройству стоянки, Ольга Петровна с остальными сопровождающими принялись готовить место для проведения конкурсов.

Потом развели костер. Три девчонки занялись приготовлением еды, а для остальных устроили разные состязания. Я старался отсвечивать как можно меньше, но физрук все время меня отыскивал и тащил в круг. Как обычно, мои неуклюжие попытки соперничать с другими ребятами вызывали смех.

Когда эти дурацкие конкурсы закончились, я вздохнул свободнее и, услышав команду «На обед!», поплелся вместе со всеми к покрывалу, что заменяло нам стол. Еды было очень много, так как, кроме того, что сварили девчонки, каждый что-то прихватил из дому. Взяв миску с супом из вермишели с тушенкой, я заработал ложкой. После того как все наелись, учителя объявили час перерыва, но предупредили, чтобы мы далеко не расходились, поскольку, если кто-то потеряется, у всего класса будут проблемы.

Все разбрелись кто куда, а я остался сидеть у костра. Гуляние на природе меня совершенно не интересовало, больше всего я хотел попасть домой и засесть за свои любимые игры.

– Чего сидишь, Вова? – внезапно раздалось надо мной.

Я поднял голову и не смог произнести ни слова – это была Света Воробьева, самая красивая девчонка класса, да и, пожалуй, вообще всех шестых классов школы. Поклонников у нее было не счесть. До этого момента она вообще не замечала моего существования, а тут вдруг подошла да еще назвала по имени вместо гадкой клички.

– Ну что ты молчишь? – капризно спросила меня красавица.

– Да вот... сижусь... – промямлил я.

– Не хочешь составить мне компанию? – Она кивнула в сторону леса.

От ее слов у меня перехватило в горле, я просто не поверил своим ушам. Самая красивая девочка класса приглашает меня погулять?..

– Вова, ты идешь? Или мне искать кого-то другого? – уже не так ласково, как раньше, спросила она.

Я вскочил на ноги и пробормотал:

– Да, конечно... Пошли...

Мы брели по лесу, все больше и больше удаляясь от лагеря. Я начал волноваться, так как помнил предупреждение Ольги Петровны, но, по понятным причинам, не говорил об этом идущей рядом девочке. Да и вообще я молчал, ничего не мог ей сказать, даже не соображал, о чем же с ней разговаривать.

Когда мы вышли на небольшую полянку возле изгиба реки, Света остановилась и, обернувшись, махнула рукой. Из-за деревьев выскочили пятеро моих одноклассников. Поймав презрительный взгляд Светы, я понял, что попался в ловушку. Бросился в другую сторону, но меня довольно быстро догнали. Сбили с ног, связали припасенными веревками и, ухватив за руки и за ноги, поволокли обратно на поляну.

Подтащив к Свете, бросили на землю. Света ехидно улыбнулась:

– Что, Червяк? Думал, что ты мне понравился и поэтому я пошла с тобой гулять?

Я промолчал. Тогда она плюнула на меня и сказала гогочущим ребятам:

– Делайте, что планировали.

Развязав меня, каждый прижал по одной моей конечности к земле, так что я не мог даже шевельнуться, после чего Денис Петров достал из кармана нож и, щелкнув им, поднес к моему лицу. Странно, но, увидев лезвие, я вообще не испугался. Теперь, когда выяснилось, что Света затеяла всю эту операцию только для того, чтобы меня унижить, мне стала абсолютно неинтересна их затея. Я просто лежал и ждал, что будет дальше.

Помахав ножом у меня перед носом, Денис стал резать мою одежду и срывать ее с меня: лишившись ее, я сразу покрылся «гусиной кожей», несмотря на то что ярко светило летнее солнце. Сорвав с меня даже трусы, он стал ржать, показывая всем на низ моего живота и обсуждая со всеми мои органы.

Насмеявшись вдоволь, они завели мне руки за спину и связали, а затем, усадив на траву, попытались связать ноги. Денис наклонился, и я изо всех сил ударил снизу вверх коленом, метя в его мерзкую рожу. К сожалению, удар пришелся вскользь, до крови содрав кожу со скулы. Заревев как бык, тот смахнул ладонью кровь и, набросившись на меня, принялся избивать. Поскольку меня держали за руки, я был как боксерская груша, мотающаяся из стороны в сторону. Рыча, тот матерился и месил меня кулаками, да так, что после нескольких ударов я потерял сознание.

Очнулся я от льющейся мне в лицо воды. Открыл глаза и увидел, что это делает Света.

– Ты че, урод? – гневно зашипела она на Дениса. – Срок захотел за побои? Договорились же, никаких следов не оставлять! А вдруг он в милицию пойдет жаловаться? Посмотри на него? Как он назад поедет? Что ты учителям скажешь? Что он споткнулся и упал на твой кулак?

Денис слушал ее и понуро молчал, потирая кровотокающую ссадину на скуле.

– Все! Заканчивайте быстро, и сматываемся отсюда, – скомандовала Света.

Осторожничая, пацаны на этот раз не стали спутывать мне ноги, а просто подтащили к стоявшему на опушке толстому дереву и прикрутили к нему.

– Быстро уходим, пока нас не хватились, – повторила Света, когда они закончили свое дело.

Мерзавцы, пару раз пнув меня, двинулись к лесу.

Я остался один. Стоял под солнечными лучами и никак не мог поверить в то, что все случившееся со мной – действительность. Я даже пару раз зажмурился, пытаюсь проснуться, но картинка оставалась прежней. Попробовав пошевелиться, я застонал – все тело ныло. Хотелось пить.

Шло время, но на поляну никто не приходил, и я понял, что выбираться придется самому. Учителя могли и не заметить, что меня нет. Когда мы со Светой уходили, они уже разливали привезенное вино. Вспомнив о Свете, я скрипнул зубами – у меня появился еще один кандидат на жестокую месть.

Размышляя о способах своего освобождения, я внезапно почувствовал, как земля под моими ногами дрогнула. Дерево, к которому я был привязан, вдруг каким-то странным образом сначала подскочило, а потом резко опустилось. Ничего не понимая, я посмотрел по сторонам: было такое чувство, что земля уходит из-под ног.

Не успел я оценить обстановку, как все повторилось, но намного сильнее. Падая вместе с деревом на землю, я увидел, как участок леса недалеко от меня проваливается, а образовавшаяся на поверхности гигантская трещина змеей бежит в сторону скал. Спустя несколько секунд к треску валящихся деревьев добавился грохот каменного обвала. Еще пару раз подпрыгнув вместе со сроднившимся со мной деревом, я понял, что это землетрясение.

Оглядев местность, я просто не узнал ту часть леса, из которой пришел. Практически все деревья метрах в ста от поляны моего унижения были повалены или исчезли в гигантской трещине. Она начиналась где-то в лесу, пересекала поляну и уходила к скалам.

Природная катастрофа мне помогла – прыгая вместе с деревом вверх и вниз, я своим весом ослабил узел веревки, которой связали меня эти уроды. Высвободил сначала правую руку, затем левую и, извиваясь ужом, выполз из пут.

Почувствовав себя на воле, я вздохнул с облегчением, поднялся и огляделся. Путь к лагерю по лесу был отрезан разломом, и я направился к скалам, надеясь обойти трещину там. Идти голым было как-то неловко, но я радовался хотя бы тому, что эти гаденыши не сняли с меня ботинки. Шагать босиком по сломанным веткам и острому щебню было бы не самым приятным занятием.

Уже почти дойдя до скал, я заметил странный блеск, исходящий из глубины расщелины, которая образовалась там от землетрясения. Я приблизился и замер – из земли торчал гигантский бок непонятно чего.

Слегка поборовшись со своим любопытством, я решил все же рассмотреть это непонятное поближе. Протиснувшись в расщелину, я осторожно подошел к этому «нечто». И понял, на что оно похоже – на бок космического корабля из какого-то голливудского фильма. Удивившись, откуда взялся в нашей глуши этот макет, я постучал кулаком по корпусу. Звук был глухой – я бил явно не по картону, но и не по металлу. Да и по внешнему виду материал, из которого был сделан корабль, мне ничего не напоминал. Подняв с земли кусок гранита, я попытался процарапать корпус, но на странном материале не оставалось ни следа.

В голове у меня задрезжала мысль, которой я испугался:

«Это что же, я наткнулся на космический корабль пришельцев?»

В принципе будучи сторонником той идеи, что во Вселенной мы просто не можем быть одиноки, я удивился не чрезмерно. Но сам факт, что я вот так вот запросто столкнулся с явным подтверждением популярной гипотезы, был для меня неожиданным.

Я принялся осматривать выпирающий из-под земли корпус корабля. Пройдясь от одного до другого видимого края диковинного аппарата, я заметил странные линии, разбросанные

по всему корпусу находки, но сходящиеся в какой-то одной точке. Разглядевывая их, я случайно прикоснулся к одной из линий, и сразу же отдернул ладонь. Мне показалось, что под моей рукой эта странная черточка шевельнулась.

Поколебавшись, я притронулся к ней пальцем – та, словно почувствовав мое касание, вздрогнула, но осталась на месте. Рефлекторно отдернувшись, я все же вернул указательный палец назад и попробовал двинуть им влево. Вслед за моим пальцем шевельнулась и линия. Я изумленно замер, а затем продолжил эксперимент – тыкал кончиками пальцев во все линии. И каждая следовала за моими движениями!

Я прервал свои упражнения и задумался. Это явно не случайно – скорее всего, тут кроется какой-то намек.

Я еще раз внимательно осмотрел корпус неведомого аппарата, под линиями и вокруг них. Не знаю, сколько лет – или веков? – этот корабль тут пролежал, но на его обшивке не было ни следа ржавчины. Отслеживая взглядом переплетения странного рисунка – касаться его составляющих пальцами мне больше не хотелось, – я обнаружил место, где все они пересекались, создавая рисунок, более всего похожий на перечеркнутую в разных местах пирамиду.

«Наверно, к ней и нужно вести все линии», – решил я и приступил к делу.

Едва последняя линия коснулась рисунка, как раздалось громкое шипение. Испугавшись, я отпрыгнул от корабля. Шипение продолжалось недолго, а потом то место, где был рисунок, опустилось, открыв проем.

«Это люк, – понял я, – а рисунок был ключом, который его открывал».

Я осторожно заглянул в проем. Там началась непонятная активность: мигали разноцветные лампочки, доносился шум каких-то механизмов. Подождав еще несколько минут, я чуть-чуть осмелел, влез в открывшееся отверстие и осмотрелся. Внутри корабль выглядел... собственно, он и выглядел как космический корабль неземного происхождения. Множество непонятных устройств, экраны со странными значками, различные световые табло...

Осмотревшись, я понял, что корабль очень большой. Снаружи была видна лишь малая его часть, выступающая из разлома. Набравшись смелости, я двинулся вперед. Миновал коридоры, решив пока никуда не сворачивать, и шел по широкой палубе. По пути я множество раз наткнулся на закрытые шлюзы, однако одно прикосновение моей руки заставляло их бесшумно открываться, и я продвигался дальше.

Так я дошел до двери рубки управления – то, что это была именно рубка управления, я понял с первого взгляда. Три небольших кресла перед огромным экраном, куча информационных панелей... Подойдя к ярко светящемуся центральному монитору, я решил сесть в одно из кресел. Они были странной конструкции и предназначались явно не для человека. Как только я пристроился в нем, кресло завибрировало и начало принимать форму моего тела, увеличиваясь в ширину и высоту. Затем произошла неприятность: выдвинувшиеся из спинки, подлокотников и ножек кресла захваты прочно приковали меня к нему.

Я испугался: ситуация со связыванием повторялась, правда, на этот раз меня лишили свободы не веревки, а кресло неземного корабля. Постаравшись успокоиться, я сделал попытку освободиться: сиденье, словно почувствовав мое желание, сразу выпустило меня из своих объятий, не изменив, правда, созданную под меня форму.

Внезапно монитор передо мной мигнул и по нему побежали какие-то символы.

Изображение замерло, потом пару раз сменилось, остановилось окончательно, а я по-прежнему недоуменно пялился на экран. Единственное, что я сумел понять, так это то, что первая последовательность символов была не такой, как дальнейшие. Несколько мгновений ничего не происходило, затем символы вновь сменили друг друга, и это повторилось несколько раз.

Экран замерцал, а потом снова стал ярко светиться чистым светом, без всяких символов. Я посмотрел по сторонам, благоразумно ничего не касаясь руками. Экран вновь ожил, и на нем начали появляться контуры того самого кресла, с которого я только что встал. Это было очень похоже на картинки из ASCII кодов, которые я видел в Интернете, вот только рисунок образовывали совершенно незнакомые символы.

Картинка несколько раз моргнула, словно говоря мне, что нужно делать. Я понял, что со мной хотят установить контакт и просят для этого снова сесть в кресло. Немного подумав, я решил сделать это. Контурный рисунок на экране сменился на объемный, на подлокотниках кресла появились рисунки каких-то кнопок, и маленький зеленый курсор замигал рядом с одной из них.

Поняв, что нужно делать, я ткнул пальцем в эту кнопку. Позади раздался шорох, и что-то мягко прилипло к моему затылку. Наверное, какие-то присоски. Неудобств они не доставляли.

Экран вновь замерцал, вроде как будучи полностью доволен моими действиями. Прошло минут десять. Я старался не двигаться и не вертеть головой, чтобы ничего не нарушить в этом непонятном процессе и не сдвинуть ненароком присоски на голове.

Неожиданно на экране возникли гигантские буквы русского алфавита, составившие вопрос. Я сначала не поверил своим глазам, но буквы не исчезли.

«Тебе интересны присоски?»

Я удивленно подумал, что мне-то они, конечно, интересны, но есть ведь куча других, не менее важных вопросов, ответы на которые хотелось бы немедленно получить. Тут же на мониторе появился новый вопрос:

«Узнать что?»

До меня стало доходить, что присоски позволяют мне мысленно общаться с пришельцем, и чтобы проверить это, я подумал:

«Меня зовут Владимир Курочкин, я человек с планеты Земля. А ты кто?»

Экран мигнул, и я чуть не ахнул от восторга: он разделился на две области, и одна начала показывать картинку, настолько живую, что я даже подумал, что смотрю в окно.

Передо мной высветилась наша Солнечная система, как если бы я смотрел на нее сверху, божественным взором. Стоило мне подумать о сине-белом шарике, как изображение на экране мгновенно скакнуло к третьей планете системы, резко приблизив ее и увеличив до того вида, который я не раз наблюдал по телевидению и в Интернете.

На соседнем экране появилась надпись:

«Я считываю информацию с твоих нервных окончаний, которые ты используешь для передачи ощущений в мозг. С их помощью я передаю тебе свои мыслеобразы, но не понимаю, о каких вещах ты говоришь. У меня нет доступа к твоему накопителю».

От удивления я чуть было не выпрыгнул из кресла. Оказывается, пришелец использовал мои мозги для общения, а я этого даже не чувствовал!

Мгновенно на втором мониторе высветился новый вопрос:

«Что такое пришелец? Что такое чувствовать?»

Я обреченно вздохнул и подумал, что это походит на вопросы ребенка. Экран тут же выдал ожидаемую реакцию:

«Что такое ребенок?»

Машинально ответив на вопрос, я тут же об этом пожалел – эта инопланетная штука начала обстрел. Ее интересовало все: как производятся дети, для чего они нужны, какие они бывают, чем друг от друга отличаются, как их следует использовать, и множество, множество других вопросов. Вскоре у меня от этого натиска заболела голова, и я попросил прекратить задавать мне вопросы, сославшись на усталость. Конечно же, сразу высветилось:

«Что такое усталость?»

Я ответил, что это перегрузка центрального процессора, и пришелец на несколько минут оставил меня в покое. Затем на мониторе возникла новая надпись:

«Перегрузка центрального процессора невозможна. Ответь на вопрос снова».

Я засмеялся. Оказывается, пришелец все это время думал над моим последним ответом. Я пояснил, что не являюсь компьютером, и потому у меня как раз возможна перегрузка мозга, заменяющего мне процессор.

На экране высветилась надпись, которая заставила меня смеяться до колик:

«Ты устаревшая модель?»

Отсмеявшись, я мысленно сказал, что не я, а он устаревшая модель. И это снова надолго погрузило пришельца в размышления.

«Вероятность этого очень большая, – наконец выдал он ответ, и следом задал новый вопрос: – Как я могу ознакомиться с новыми моделями процессоров?»

Я задумался. Наилучшим выходом было бы подключить его к Интернету, вот только где его тут взять?

«Что такое Интернет?» – сразу последовал вопрос.

Объяснив ему, я спросил:

«А ты можешь выбраться отсюда и полететь ближе к поселку? У нас недавно поставили две Wi-Fi базы, и через них можно выйти в Интернет. У меня есть логин и пароль для входа – правда, на карточке всего двадцать рублей осталось».

Пришелец чуть-чуть помедлил и выдал ответ:

«Все системы в норме, на освобождение корабля от грунта потребуются около часа по вашему времени. Мини-роботы уже запущены».

«Да, кстати, а как мы туда полетим? – спохватился я. – У тебя есть камуфляж или что-нибудь наподобие него, чтобы нас не заметили?»

Конечно же, пришлось объяснять, что такое камуфляж, после чего мне ответили: корабль оснащен двумя типами маскировки, оптической и электромагнитной, которые не дают никаким следящим системам заметить его.

Ожидая, пока корабль откопается, я нежился в кресле – в нем было тепло и уютно, – однако мне почему-то захотелось есть, хотя вроде бы недавно обедал у костра. Вероятно, это давал о себе знать пережитый стресс. Я хотел было обратиться к пришельцу, и вдруг подумал, что не знаю, как его называть – не говорить же ему «эй, ты».

И тут же увидел на экране:

«Я не знаю, кто я. Не помню ни своего названия, ни серийного номера».

«Понятно, – подумал я. – Но все же надо ведь как-то к тебе обращаться?»

«Называй меня так, как тебе будет легче меня идентифицировать», – ответил экран.

«Хорошо, буду называть тебя просто: Корабль. А ты можешь сделать мне еды?»

Ответив на кучу вопросов о том, что такое еда и для чего она вообще нужна, я был поставлен в известность, что синтезатор полон биомассы и если я точно воспроизведу вкус и запах желаемого, то Корабль создаст для меня все, что угодно. Просто нужно в мельчайших подробностях вспомнить все, к пище относящееся, для того чтобы Корабль снял с моего мозга необходимую информацию.

В течение пяти минут я усиленно вспоминал печеную курочку, да так, что у меня потекли слюни. Почти сразу рядом с креслом открылся небольшой люк, из которого выдвинулся желтый параллелепипед, пахнувший курицей. Я решил отломить и положить в рот кусочек – структура параллелепипеда полностью повторяла мясо курицы. Разжевав и проглотив первый кусок, я с удовольствием продолжил это занятие – вкус был такой, как будто курицу готовила тетья.

На экране высветилась надпись:

«Воспроизвести форму не удалось, в стандартных формах синтезатора такого объекта не оказалось. Взял первую в списке».

Покончив с курицей, я подумал о десерте и попросил Корабль синтезировать мне мороженое. Заказ был получен еще быстрее, чем курица. Правда, руками есть брикет было не очень удобно, поэтому я поинтересовался, нельзя ли снабдить меня ложкой и тарелкой? Представив эти предметы, я получил из другого отделения, уже слева от кресла, ложку и тарелку из странного материала, не похожего ни на фаянс, ни на металл, ни на пластик. Потихоньку поглощая лакомство, я спросил, может ли Корабль изготовить какую-нибудь одежду, и получил утвердительный ответ.

Одежда оказалась подходящей по размеру. По ощущениям она была похожа на хлопковую, но цвет и структура показывали, что она явно из того же материала, что и ложка с тарелкой.

Одевшись, я вернулся в кресло и, доедая мороженое, начал отвечать на вопросы Корабля о том, что такое Wi-Fi базы и как к ним осуществляется доступ.

Сам я не очень в этом разбирался, поэтому объяснял, как мог. Вскоре Корабль объявил, что роботы свое дело закончили, и он готов взлетать. Я напомнил ему про маскировку, хотя компьютеру говорить об этом излишне – он ведь ничего не забывает, в отличие от меня. Взлетев, Корабль запросил направление, я в ответ спросил о возможности предоставления мне кругового обзора. Не успел я закончить, как оказался сидящим в кресле метрах в ста от земли. Я ощупал кресло, пару раз топнул ногой по полу – все было на месте, но глаза ничего этого не видели.

«Не хватает только ветра, шума и запахов», – восхитился я, слыша только то, что происходило в рубке.

Прямо перед глазами высветилась надпись:

«Данные факторы воспроизвести невозможно. Голограмма позволяет проецировать только зрительные образы».

Я огляделся. Следы землетрясения – в виде поваленных деревьев и разрушенных скал – наблюдались повсюду, а внизу, под Кораблем, виднелся полностью оплавленный большой котлован, в котором, похоже, он до этого располагался. Указав Кораблю нужное направление, я спросил:

«А могу я сам управлять?»

Корабль ответил утвердительно и добавил, что ручное управление включено, но в случае критических режимов он снова переключит его на себя. Хоть и не почувствовав, что

управление перешло ко мне, я решил попробовать и мысленно потянулся взглядом к деревьям, стоявшим на пригорке в нескольких километрах от Корабля.

Резкая давящая сила, красная пелена перед глазами – и я потерял сознание.

Очнулся, чувствуя себя так, словно меня скинули с десятого этажа. Я был весь в крови, и она продолжала течь из носа и ушей. Появилась надпись:

«Управление было перехвачено».

Немного придя в себя и осмотревшись, я понял, что был слишком самонадеян, и отныне мне следует дважды подумать, прежде чем пытаться управлять космическими кораблями, не умея даже на велосипеде ездить. Тем временем Корабль неподвижно висел над теми деревьями, к которым я мысленно потянулся. Видимо, по незнанию его способностей я слишком сильно ускорился, и меня вырубило перегрузкой.

Корабль поинтересовался причиной моего выключения и, получив подробный ответ, написал:

«В автоматическом режиме работы не предусмотрена компенсация перегрузок из-за отсутствия на борту жизнеспособных форм. Гравикомпенсаторы выключены».

Витиевато выругавшись про себя, я вежливо попросил Корабль включить эти самые гравикомпенсаторы и, по возможности, очистить воздух в рубке, так как становилось душно и дышать было трудно, как в парной. Я также поинтересовался, может ли он заодно протестировать мой организм, чтобы точно знать, что я могу выдержать, а что нет.

Корабль задал мне множество вопросов. Из моих ответов он сделал вывод: непонятно, как природа могла создать настолько нежизнеспособную форму. И посоветовал мне доработать свое тело. Поблагодарив его за заботу, я попросил предупредить меня обо всех возможных в результате его действий изменениях окружающей среды, чтобы я мог заранее что-нибудь предпринять для защиты своего ненадежного организма.

Понятное дело, что управлять Кораблем я больше не пытался, а ограничился простым указанием направления движения. Теперь Корабль двигался быстро, но так, чтобы дать мне возможность видеть путь. Дорога до поселка заняла минут пять, включая то время, что я был без сознания.

Зависнув над поселком, Корабль сообщил, что настроил свой приемник сигналов для принятия электромагнитных импульсов на указанной мной частоте. Сообщив ему свои логин и пароль доступа, я приготовился ждать.

Через секунду на экране появилась надпись:

«Интерфейс слишком медленный, прошу выдать более быстрый».

Я подумал, что с такими запросами ему, наверное, поможет только трансатлантический оптический кабель.

«Wi-Fi ему медленный, – почему-то обиделся я. – На моем модеме ему бы даже такие скорости не светили».

Тетя не хотела подключать DSL из-за значительной для нашего бюджета ежемесячной платы, поэтому мне приходилось довольствоваться модемом и редкими покупками карточек для подключения к Wi-Fi.

Поинтересовавшись, где можно найти этот трансатлантический оптический кабель, Корабль получил ответ, и всего через десять минут мы были на месте. Удивленный его скоростью, я спросил, как он умудряется двигаться в атмосфере так быстро, ведь существуют трение и все такое прочее. Вместо ответа мне был продемонстрирован вид Корабля со стороны и без камуфляжа – я сразу понял, почему для него ограничений не существует.

Корабль окружало едва заметное энергетическое поле, которое часто описывают в своих книгах фантасты.

– Понял, не дурак, – сказал я больше себе, чем Кораблю.

Тот, однако, воспринял это как новую информацию, и немедленно спросил, что такое дурак. Пришлось отвечать. Тем временем Корабль погрузился в воду и устремился ко дну. Я впервые был на подводной экскурсии, да еще в таком необычном качестве. Корабль демонстрировал все происходящее на экране, причем так ясно и четко, как будто под водой ярко светило солнце. Я даже не стал спрашивать, как это ему удастся. Что толку? Специалистом по внеземной технике я не был, как, впрочем, и по земной тоже.

Кабель был найден достаточно быстро, но, прежде чем Корабль успел с ним что-нибудь сделать, я попросил не повредить его, так как это связано с большими затратами по его восстановлению. Согласившись со мной, Корабль ответил, что ничего трудного в этом нет, только тогда ему на врезку понадобится десять минут, а не пять. Я сказал, что переживу такой гигантский отрезок времени.

Прошло десять минут, и вновь появилась надпись:

«Интерфейс слишком медленный, прошу выдать более быстрый».

Это заявление меня добило, я только и смог сказать, что более быстрых интерфейсов на Земле не существует, так что пусть довольствуется тем, что есть.

Корабль на это ответил, что с таким медленным интерфейсом скачивание данных займет несколько недель, а то и месяцев. Тогда я предложил ему такой вариант: он отвозит меня домой, затем возвращается, опять влезает в кабель, добывает всю необходимую ему информацию, а когда закончит, свяжется со мной.

Корабль поинтересовался, почему я не хочу присутствовать. Я объяснил, что должен обязательно показаться тете, чтобы она убедилась, что я жив и здоров. Да и, кроме того, не усидел бы я один несколько месяцев взаперти.

Уже подлетая к дому, я спросил у Корабля, а может он, к примеру, подключиться к банковской сети США и организовать мне счет с небольшим количеством денег? Миллионов так сто-двести долларов, не больше. Узнав у меня, что такое США, деньги, банковский счет и прочее, Корабль сказал, что ему опять же нужен Интернет, чтобы всесторонне рассмотреть возможности осуществления моей заявки.

Слегка офигев от собственной наглости, я велел ему разворачиваться обратно и добавил, что согласен и сам отвечать на любые вопросы по этому поводу. Корабль снова рванул к кабелю, подключился к нему и несколько часов молчал. Устав за день, я уснул в кресле – меня разбудило легкое покалывание в спине.

«Прошу объяснить причину отключения. Все мои системы в норме», – увидел я надпись перед собой.

Объяснив Кораблю, что это называется «усталость» и что мне, чтобы перерабатывать полученную за день информацию, нужно отдыхать, я снова получил ценный совет по поводу срочной необходимости замены тела.

«Расскажи лучше про решение моего вопроса», – подумал я, уходя от этой скользкой темы.

Мало ли, может, эти пришельцы и вправду способны пересаживать мозги в новые тела. Экспериментировать над собой я бы не хотел.

«Задача проанализирована, технически ее выполнение никакой сложности не составляет, – ответил Корабль. – Однако в некоторых ссылках, относящихся к аспектам

работы банковской системы, имеются описания подобных действий, законодательством страны Соединенные Штаты Америки квалифицируемых как мошенничество».

«А нельзя так: открыть, например, счет где-нибудь в швейцарском банке и перечислять на него по одному центу от любой банковской операции в Америке?» – спросил я его.

«Ответ положительный, – написал Корабль. – Необходимо два часа на внесение необходимых изменений в работу банков Америки».

– Слушай, давай подстрахуемся, – сказал я ему вслух. – Я дам тебе время, чтобы ты проанализировал все случаи подобных махинаций и сделал так, чтобы отследить мой счет, а также установить, что мы замешаны в этом деле, было бы невозможно. Поэтому сейчас отвези меня домой. Встретимся, когда ты будешь полностью готов. Хорошо?

«Да, – гласила надпись. – Как будем обмениваться информацией?»

– Есть у тебя что-то типа связи на расстоянии? Что-нибудь маленькое и незаметное? – спросил я.

Почувствовав укол в руку, я от неожиданности ойкнул и вскочил с кресла. Оглядев то, что у других физрук называл бицепсом, я заметил небольшое утолщение.

У меня в голове раздался голос:

– Так устроит?

Я снова выругался и попросил Корабль впредь не делать со мной ничего без предварительного объяснения и получения моего разрешения.

Общаться с голосом в голове было намного удобнее, чем получать ответы на экране. Да и укол был почти безболезненным, и бугорок на плече уже почти рассосался.

Корабль подлетел к дому. Я попросил высадить меня на балкон, дверь которого летом всегда была открыта. Появляться из воздуха во дворе, где на лавочках постоянно сидят любопытные бабки, было бы самоубийством.

Высадив меня, Корабль улетел. Дома я разделся, спрятав выданную мне Кораблем одежду под кровать, улегся на нее и включил телевизор. Странно, но про землетрясение в новостях не было ни слова. Минут пять я бессмысленно смотрел какой-то скучный фильм, потом уснул и проснулся только, когда тетя растолкала меня к ужину.

«Хорошо, что завтра суббота, – подумал я, снова укладываясь в постель, – нет занятий и прочего».

Воспоминание о школе заставило меня вспомнить о пережитом унижении и скрипнуть зубами. Теперь, с появлением Корабля, возможностей для расплаты с моими обидчиками стало хоть отбавляй. С этими мыслями я заснул.

И вообще провел дни отдыха, чередуя мечты об ожидающем меня богатстве с составлением изощренных планов мести. Выходные пролетели незаметно, и настал понедельник.

В школе все уже знали, что со мной сделали одноклассники и, тыча в меня пальцами, смеялись при моем появлении. Стиснув зубы, я делал вид, что ко мне это не относится, и занимался своими делами. К моему счастью, у тех, кто надо мной издевался на поляне, не было фотоаппарата, подтвердить свои слова им было нечем, а я вел себя так, как будто ничего не произошло. Из-за этого обо мне довольно быстро забыли, переключившись на обсуждение землетрясения и действий военных, полностью закрывших доступ к Рудному Ключу и Большой скале для всех, включая даже представителей местной власти. Тем не менее в новостях о произошедших событиях ничего не сообщали.

Вся школа гудела и наполнилась слухами, один я знал, из-за чего все происходит. Видимо,

за прошедшие дни кто-то обнаружил оплавленный котлован и следы работы роботов по откапыванию Корабля. Скорее всего, именно это заставило военных засекретить все, связанное с землетрясением, тем более что поселка оно практически не коснулось.

Неделя для меня пролетела как один день – я специально не связывался с Кораблем, чтобы не отвлекать его, и ждал. В пятницу вечером, минута в минуту с тем временем, как он вернул меня домой, у меня в голове раздался голос:

– Привет, Вован, как жизнь?

От неожиданности обращения, а тем более от того, как оно прозвучало, я поперхнулся бутербродом и закашлялся.

– Ты где этого сленга набрался? – отдышавшись, спросил я.

– Я прочитал, что именно такие слова принято употреблять в среде индивидуумов твоего биологического возраста, – ответил он уже нормальным тоном.

– Нет уж, ко мне лучше обращай по-прежнему, – попросил я его. – Я так привык.

– Как скажешь.

– Ну что, как там насчет моей просьбы? – волнуясь, спросил я.

– Все выполнено в лучшем виде: счет открыт, деньги капают, уже солидная сумма набралась. Через год все мои изменения самоуничтожатся, оставив тебе абсолютно легальный счет, правда, пополняться он больше не будет.

– Ну что, тогда полетели в банк? А то ведь тебе нужно возвращаться к кабелю.

– Нет необходимости. Я все упростил – побывал в океанах, подключился к еще нескольким таким же кабелям, и за неделю скачал все, что мне было нужно. Так что сейчас отправляемся за карточкой, потом я отвезу тебя домой и улечу по своим делам, – бодро ответил Корабль.

– Как улетишь? Куда? – подавленно переспросил я.

– Вот так. Понимаешь, Вов, собирая информацию о вашей планете, я параллельно анализировал свое состояние. Оказалось, что я использую только тридцать процентов памяти, содержащейся у меня в базах данных. Остальные семьдесят процентов закрыты для меня каким-то сложным кодом. Я начал процедуру по его расшифровке, но, имея лишь те процессорные мощности, что доступны мне сейчас, я смогу расшифровать этот код не ранее, чем через несколько десятилетий.

Правда, я выяснил, что знаю многое о неизвестных мне планетных системах и странных конструкций роботах и кораблях. Все эти данные полны ссылок на те области информации, которые сейчас для меня закрыты. Там же имеется группа каких-то чисел, похожих на астрономические координаты, их тоже нужно изучить. Думаю, они послужат ключом к расшифровке скрытых от меня данных, – закончил свою речь Корабль.

– А что это за координаты?

– Если использовать ваши карты звездного неба, то мне нужно лететь к звезде спектрального класса К пять три в созвездии Тельца, – ответил он.

Я задумался. Такого я не ожидал. Почему-то я сразу решил, что Корабль останется здесь, я буду летать на нем, куда вздумается, и делать, что захочу, а теперь выясняется, что у этого пришельца имеются свои виды на будущее. Мне сразу вспомнились те, кто издевался надо мной, и мои планы мести, которую я хотел осуществить, став невероятно могущественным и богатым человеком. Теперь на весах было две возможности: либо остаться на Земле и жить в свое удовольствие, время от времени развлекаясь сведением счетов с несимпатичными мне персонажами, либо отправиться вместе с Кораблем в путешествие с неопределенными

перспективами.

Подумав, я внезапно понял, что вот он, мой шанс, которого я ждал все эти годы. Вот то, что может сделать из простого ученика шестого класса Вовы Курочкина кого-то большего. Вот то, о чем я мечтал все эти годы и почти уже похоронил свои мечты. Я никогда бы себе не простил, если бы упустил возможность побывать в далеком космосе.

– Слушай, а можно, я с тобой полечу? – спросил я у Корабля. – Меня тут ничего не держит.

– Конечно, можно, – ответил Корабль и по тому, как это было произнесено, я понял, что он рад. – У меня много вопросов накопилось по вашей планете. Было бы просто здорово, если бы могли обсудить все это с тобой. Да и путь такой длинный, вдвоем лететь веселее.

– Насколько длинный? – забеспокоился я.

– Около трех лет.

– А какое расстояние до этой звезды?

– Чуть больше шестидесяти пяти световых лет, если мерить вашими величинами межзвездных расстояний, – ответил он.

– погоди, получается, что ты полетишь со скоростью, во много раз превышающей скорость света? Такого просто не может быть, это по физическим законам невозможно, – уверенно сказал я, вспомнив теорию относительности.

Корабль издал несколько звуков, которые при очень большой фантазии можно было принять за смех.

– Володя, ну ты меня и насмешил. Запомни на всю свою жизнь – человеческие знания о собственной планете меньше рисового зернышка, а человеческие знания законов Вселенной меньше самого маленького одноклеточного организма. И ты мне будешь говорить о том, что может быть во Вселенной, а чего быть не может?

Я смущенно замолчал. Корабль был абсолютно прав. Все земные теории – это всего лишь предположения, и не всегда верные.

– Тогда предлагаю следующий план действий, – сказал я. – Сначала летим в банк, я завожу себе кредитную карту, получаю сколько-нибудь наличными, покупаю еду и одежду на все время путешествия. Возвращаемся сюда, оставляю тете часть денег, чтобы жила нормально, собираю свои манатки и отправляемся к твоей звезде. Устраивает тебя такой план?

– Конечно, – с радостью ответил он.

– Ну тогда вперед, – сказал я, залезая внутрь Корабля, по-прежнему через балкон.

В Швейцарии мне не понравилось – улочки узкие, не идущие ни в какое сравнение даже с нашими поселковыми и огромными просторами. Я специально в банке нашего поселка обменял всю имеющуюся у меня наличность на евро, так как на Корабле в швейцарский банк не залетишь, придется ему высаживать меня где-нибудь за городом. Так оно и вышло, до нужного мне места пришлось добираться на такси, показав водителю записанный на бумажке адрес.

Расплатившись с таксистом, я зашел в банк. Ко мне сразу подошел клерк, поинтересовался, чего желает господин. Видимо, я не внушал ему особого доверия, очень уж сильно его корежило при виде моих спортивных штанов и майки навывпуск. На плохом английском я заявил, что хотел бы получить кредитную карточку для моего личного счета, открытого у них в банке. Услышав это, финансовый деятель слегка успокоился, принял исключительно деловой вид и проводил меня к стойке. Я написал на бланке номер счета,

пароль доступа к нему и передал клерку.

Клерк ввел данные в компьютер и несколько минут бестолково смотрел то в монитор, то на меня. Я заинтересованно наблюдал за тем, как он это делает. Лицо клерка сначала стало белым, потом красным, а когда он попытался открыть рот и что-то сказать, даже немного пожелтело. Извинившись за что-то, чего я не понял, он, непрерывно кланяясь, провел меня к кабинету с табличкой на английском: «Управляющий директор».

Даже не постучав, он распахнул дверь, ввел меня внутрь, усадил в кресло и поинтересовался, что я буду пить. Я ответил, что можно просто воды, но главное – побыстрее оформить мою карту, поскольку я тороплюсь. Не успел я закончить речь, как симпатичная девушка внесла стакан с водой и поставила его рядом со мной на журнальный столик.

Тем временем клерк подошел к ошарашенно наблюдающему за нами управляющему директору и, видимо, успел рассказать ему о моем деле, так как и тот принялся изображать из себя хамелеона. Меня это стало по-настоящему забавлять – веселые они тут ребята. Впрочем, директор быстро взял себя в руки, отдал клерку какое-то распоряжение – тот испарился из кабинета, – сам же подошел ко мне и на английском спросил, не будет ли господин Курочкин любезен подождать пять минут, чтобы для ведения переговоров успели пригласить переводчика, владеющего русским языком. Я выразил свое согласие, но предложение немного перекусить отклонил, сказав, что уже обедал.

Ждать нам не пришлось, так как почти сразу открылась дверь – и в нее вошли знакомый мне клерк и неизвестный мужчина.

«По-видимому, это и есть переводчик», – догадался я.

– Добрый день, господин Курочкин. Меня зовут Наталь Дефо, я буду вашим переводчиком при общении с господином Франком, – вежливо представился он.

Я поздоровался с ним и еще раз изложил свою просьбу: открыть кредитную карту для моего банковского счета и, кроме того, выдать мне один миллион долларов наличными. Переводчик быстро все перевел, директор ему ответил.

– Господин Франк сказал, что карта уже делается. Деньги они подготовят немедленно. Правда, он спрашивает, знает ли господин Курочкин, что при обналичивании средств банк берет два процента? – перевел мне переводчик.

– Скажите господину Франку, – ответил я ему, – что если все будет сделано в ближайшие десять минут, а также если мне будет предоставлен автомобиль до аэропорта и организован чартерный рейс до Берлина, то банк может взять от этой суммы даже двадцать процентов. Главное, чтобы у меня в руках был чемоданчик с одним миллионом, моя пластиковая карта и возможность прибыть в Берлин без паспортных проблем. У меня там предстоит очень важная встреча, и я не могу на нее опоздать.

Услышав перевод, директор быстро стал звонить и что-то говорить в трубку. Не прошло и шести минут, как он, улыбаясь, сказал мне, что все готово и все мои просьбы выполнены. Поставив автограф на подготовленных бумагах, я поблагодарил всех за сотрудничество и направился к выходу. До дверей банка, где уже стоял лимузин, меня проводили всем коллективом.

Еще раз попрощавшись, я сел в автомобиль – и мы тронулись.

«Хорошо быть богатым, – подумал я. – Плевать на то, как ты одет, откуда свалился и на каком языке говоришь – если у тебя на счету сто миллионов долларов, то можешь делать все, что вздумается».

Поведение персонала банка стало лишним тому доказательством.

В аэропорту все повторилось. Меня едва ли не на руках донесли до выхода на VIP-стоянку, ни о каких билетах, таможене и паспортах никто даже не заикнулся. С таким же почетом – чуть ли не по ковровой дорожке – я проследовал до небольшого частного самолета, у трапа которого и был встречен тремя улыбочивыми стюардессами, которые весь полет предлагали мне свои услуги. К их сожалению, я оказался не слишком взыскательным пассажиром: обед, чай – и вскоре мы прибыли к месту назначения.

Сюда я направился по одной причине – в Интернете я как-то наткнулся на одну базу, которая поставляла продукты и одежду во все основные супермаркеты Германии. Еще в аэропорту Берлина я попросил связать меня с представителем этой фирмы. Самым удивительным было то, что везде к моим услугам оказывались переводчики, стоило лишь выразить желание и показать несколько зеленых купюр. Так что мне не приходилось ломать язык, пытаясь изъясняться с немцами на плохом английском.

Едва услышав от переводчика сумму предполагаемого контракта, представитель фирмы вызвал к себе в кабинет чуть ли не дюжину сотрудников, с которыми мы и утрясли все вопросы по закупке и доставке всего необходимого в указанное мною место – на стоянку возле маленького придорожного магазина. Ночью, с помощью корабельных роботов, я перетащил весь груз на Корабль, оставив пустой грузовик на том же месте. По договоренности с фирмой, они должны были его забрать утром.

Когда я закончил со снабженческо-погрузочными работами, Корабль повез меня домой. Полет с компенсаторами перегрузок занял всего десять минут, и дома я, облетев почти полмира, оказался еще до прихода тети. Собрав вещи, я оставил ей записку: мол, заработал на бирже много денег, бросаю школу и отправляюсь путешествовать. Ей оставляю часть денег и прошу обо мне не беспокоиться и не искать меня. Когда кончатся деньги, я сам дам о себе знать.

Покончив со сборами, я бросил взгляд на компьютер и диски с играми. Как же я о них-то не подумал!

– Слушай, а ты сможешь подключить к себе мой компьютер? – спросил я Корабль.

– Могу, только зачем? Бери диски с собой, я сниму с них данные и эмулирую любое нужное тебе устройство, – ответил он.

Обрадовавшись, что не придется тащить с собой гору железок, я собрал диски и, оглядев последним взором дом, шагнул на борт Корабля.

– Ну что, поехали? – спросил он, дождавшись, когда я расположился в кресле.

– Да, капитан, – весело ответил я. Страх отсутствовал полностью.

Несколько секунд вибрации корпуса, и я увидел то, о чем всегда мечтал – Землю из космоса.

– Перехожу на основные двигатели, – предупредил Корабль.

Потекло время полета. Первые два месяца я от безделья заново переиграл во все свои игры, но потом они мне надоели, и больше я к ним уже не притрагивался. Затем я научил Корабль шахматам, и был неприятно поражен, когда не смог выиграть у него ни одной партии. Слишком уж неравными оказались наши возможности.

Еще один месяц я просто ничего не делал, а когда мой мозг взбунтовался и начал требовать информационной пищи, я задал Кораблю вопрос, который навсегда изменил мою жизнь. Именно тогда я сделал первый шаг на пути к тому, кем стал потом.

Я вошел в рубку и спросил у Корабля:

– Слушай, а как мне научиться управлять тобой? Тогда, на Земле, я так толком и не

успел ничего понять.

Корабль немного помолчал и ответил:

– Единственный приемлемый вариант – это метод инетроговских пилотов. Называется он «слияние с искусственным интеллектом». Метод очень болезненный, и выживают после внедрения чипа связи всего пять процентов. Кроме того, даже в случае успешного завершения операции возможны побочные эффекты из-за влияния чипа на деятельность мозга. Таких пилотов у самих инетрогов не больше сотни, и все они управляют только самыми большими и современными военными кораблями.

– Пять процентов? – переспросил я. – Круто.

– Да, именно так, – ответил он. – Но в случае успеха чип открывает пилоту невероятные возможности: тот ощущает корабль как продолжение своего тела, и общение с кораблем происходит с помощью мыслей – без всяких технических средств. Инетрогов-пилотов, которые соглашаются на подобные операции, всего два типа: те, которых списывают с кораблей по каким-либо причинам, это в основном ветераны. Или молодые неопытные пилоты, только поступившие на службу. И в том, и в другом случае благополучный исход операции открывает для них новые, безграничные возможности для работы и карьерного роста. К сожалению, не для всех решившихся.

– То есть и мы с тобой сможем общаться мысленно? – спросил я.

– Да, кроме всего прочего.

– А что еще? – заинтересовался я.

– Возможен будет доступ к нашим базам данных. То есть ты сможешь смотреть мои базы данных, а я твои.

– Выходит, тогда ты сможешь у меня в мозгах копать?

– А ты у меня, – уточнил он.

– Интересно, – протянул я, узнав о таких «перспективах». – А сам-то ты что думаешь по этому поводу?

– Если хочешь, проведем операцию, но – как я и говорил – это будет очень больно и с минимальными шансами на успех. Если откажешься, то можешь начать учиться на тренажерах и видеозаписях, а реальным обучением мы сможем заняться, когда прибудем на место. Советовать я не буду, сам решай.

Я растерялся. Перспектива доступа к базам данных Корабля меня интриговала, но эти проценты успешных операций, да еще и побочные эффекты... Слишком рискованно.

– Хорошо, я обдумаю твоё предложение и скажу тебе.

Прошло еще две недели безделья, и я понял – в такой обстановке я три года не протяну, лучше уж умереть от операции. Решившись, я зашел в рубку и заявил Кораблю, что готов к операции. По голосу Корабля мне показалось, что он рад принятому мной решению.

– Хочу тебя обрадовать, – ответил он после моего заявления. – Эти две недели я не бездельничал, а пустил значительную часть своих вычислительных мощностей на изучение причин летального исхода операций по вживлению чипа и приживаемости его в мозгу инетроговских пилотов. Есть кое-какие подвижки, многое я модернизировал, как сам чип, так и механизмы, которые будут проводить операцию.

– И сколько теперь процентов за успех? – поинтересовался я с волнением.

– Сорок.

Разница по сравнению с первым числом была чуть ли не на порядок, поэтому я поинтересовался, каким образом он сумел достичь таких успехов:

– Если ты за две недели смог настолько улучшить эту технологию, то почему инетроги за гораздо больший период времени не смогли этого сделать?

По голосу Корабля было довольно сложно понять его эмоции, но все же проскальзывало нечто такое, что можно было бы назвать смущением.

– Ты знаешь, я не помню, кто я такой, но вот за время своей более-менее осмысленной деятельности появилось такое ощущение, что я – не ИИ расы инетрогов! Хотя в моей памяти и хранится огромный объем данных о них и я вроде даже могу ощущать то, что чувствует инетрог, но я гарантированно не их ИИ.

– Тогда чей же?

– Мало информации для анализа. Процесс распаковки данных слишком трудоемок, я не могу проводить его с надлежащей скоростью. Мне необходимы более мощные серверы.

– Значит, кроме всего прочего, нам придется искать тебе более производительные системы? – улыбнувшись, спросил я.

– Тут ты полностью прав.

– Ну так все же, как ты смог его улучшить? – вернулся я к вопросу.

– В моих данных находится полная информация по сбору каких-то дронов-солдат. Даже не спрашивай меня, что это такое, я и сам не знаю. Также я не знаю, откуда у меня чертежи по сборке этих дронов. Единственное, что я могу тебе объяснить, это то, что устройство блока управления дронов во многом помогло мне в модернизации чипа.

– Интересно, а собрать этого дрона-солдата ты бы смог?

– Сейчас нет, но при наличии необходимых материалов – конечно.

– А что ты еще помнишь? – продолжал я допытывать его.

– Очень мало. Вся эта информация лежит в тех областях, которые сейчас для меня закрыты шифром, – ответил Корабль. – Если мы поставим тебе чип, ты сам все узнаешь, я раскрою для тебя все свои доступные базы данных. Думаю, ты сможешь помочь мне разобраться во многом из того, что в принципе доступно, но непонятно.

– Ну что ж, тогда приступим, – полностью определился я в своих намерениях.

Медицинский блок на корабле выглядел как тесная душевая кабинка. Корабль сказал, что мне нужно только в нее забраться, а все остальное предоставить ему. Поскольку решение было уже принято, я без лишних слов, но с некоторым трудом и душевным трепетом устроился в кабинке. Дверь сразу же закрылась, а на мое лицо легла маска.

– Ну что, у тебя остались последние секунды на то, чтобы передумать, – глухо прозвучал в голове голос Корабля.

– Да начинай уже, зануда, – стараясь скрыть волнение, ответил я.

Кабинка начала наполняться какой-то гелеобразной жидкостью, к тому же очень холодной. Я стал мерзнуть. Жидкость полностью заполнила кабинку, но дышать это мне не мешало, маска обеспечивала меня воздухом.

– Выпускаю нанороботов, – проинформировал Корабль.

Через пару минут я почувствовал боль: вначале тонкая и навязчивая, как заноза в пальце, она с каждой минутой становилась все сильнее и сильнее. Когда у меня возникло ощущение, что мне рвут все зубы сразу, причем без обезболивания, я не выдержал и заорал. Поскольку на мне была маска, то мои крики превратились в мычание, бульканье и хрипы. Самое ужасное состояло в том, что, как бы я ни надрывался, боль нисколько не уменьшалась, вроде даже наоборот, возрастала. Через некоторое время я потерял сознание.

Очнулся я от того же, от чего и вырубился – от ощущения непереносимой боли. На этот

раз мне хватило секунд десяти – я опять погрузился в беспомощность. Это повторялось несколько раз, после чего я перестал вести счет отключениям, просто растворяясь в океанах боли. Конца этой пытки я не почувствовал.

– Вова, очнись, – услышал я голос такой силы, как будто мне прямо в ухо рявкнули из мегафона.

Сморщившись, я витиевато выругался, послав подальше уroda, что орал мне в ухо.

– Вова, это я. Я не ору в ухо и тем более не знаю того маршрута, по которому ты меня отправил. В моих звездных картах нет таких координат.

Я про себя решил, что если еще раз он так заорет, то в его звездных картах появятся не только эти координаты, но и множество других, ему доселе не известных.

– Наверное, я не отрегулировал чувствительность сенсоров со своей стороны, оставив их на том уровне, который служил для общения с тобой до операции, – уже гораздо тише произнес голос.

«Операция? – подумал я. – Какая такая операция? Никаких операций я не заказывал».

– Ну как же, ты сам на нее согласился, – возмущенно ответил голос.

В процессе препирательства с этим глюком память медленно возвращалась ко мне, так что я наконец осознал, с кем говорю – с Кораблем! – и что это была за операция.

«Я мыслю, следовательно, я существую», – внезапно прокралось мне в голову утверждение древнего мыслителя. – Хорошая новость, операция прошла успешно!» – обрадовался я.

– Ну в физическом плане – да, операцию ты перенес без осложнений, – внезапно смущенно признался мой собеседник.

– То есть как это понимать? – забеспокоился я. – Выкладывай, что у тебя там стряслось во время операции?

– Как я уже сказал, чисто физически вживление чипа прошло успешно, – повторил Корабль, словно не решаясь сказать самое главное.

– Ну же! – зарычал я.

– Видишь ли, Вова, та модернизация чипа, которую я взял из чертежей дрона-солдата, дала неожиданный побочный эффект, который до начала процедуры имел вероятность всего одну десятую процента, – смущенно ответил он. – Словом, теперь мы с тобой неразлучны, как Винни-Пух и Пятачок.

– Что ты этим хочешь сказать? – у меня слегка дрогнули колени.

– Теперь не только ты можешь иметь доступ к моим данным и процессорным мощностям, но и я имею полный доступ к твоим базам данных.

– И всего-то? – обрадовался я. – Ну будешь ты знать, как меня в детском садике девчонка побила, и что с того?

– Как бы сказать тебе помягче... это не самое главное, – душевным тоном ответил ИИ.

Я похолодел.

– Ты знаешь, кто такие симбиотические организмы? – вкрадчиво продолжил он.

– Да, это два вида, которые тесно сосуществуют, либо принося друг другу пользу, либо паразитируя один на другом.

– Дело в том, что тот неожиданный побочный эффект все же случился во время операции, несмотря на крайне низкую вероятность подобного. Так что мы теперь с тобой полные симбионты.

Я поинтересовался, в чем он заключается, этот наш симбиоз.

– Если я умру – умрешь и ты. Если ты умрешь, умру и я, – наконец выдал тайну Корабль. – Чтобы контролировать нанороботов в твоём теле, мне пришлось принять на себя полное управление над ними, от первого до последнего. Получилось так, что связи с этими нанороботами невозможно разорвать, слишком много их внедрилось в чип и там осталось. Теперь я не могу ни разорвать контакт с ними, ни вытащить их из чипа, не убив тебя. Стоит мне только попытаться – ты умрешь, а твои предсмертные эмоции обрушатся на меня. Я уже вычислил, что это полностью разрушит мои логические связи, и я, как целостная личность, перестану существовать. От меня останется только набор процессоров и куча ненужной информации.

Выслушав его, я грязно выругался. Затем еще раз и еще. Мне представилось, что я теперь обречен таскаться по Вселенной с компьютером, живущим в рюкзаке за моей спиной.

– Считаю унижительным, что меня сравнивают с какой-то допотопной рухлядью, – обиженно сказал Корабль.

Я разозлился:

– Так ты теперь что, слышишь даже те мои мысли, которые к тебе не имеют никакого отношения?

– Теперь мы одно целое. Ты ведь не можешь заставить себя не слышать свои собственные мысли?

– Говоришь, шансов разъединиться у нас теперь нет?

– Ну скажем так: если я еще могу сделать свою резервную копию с возможностью ее последующей активации и восстановления, то твой мозг в результате какой-либо катастрофы погибнет однозначно, – оптимистично ответил мне Корабль.

Я погрузился в печаль. Оказаться на всю жизнь привязанным к консервной банке – жуть что такое.

«Вот бы в школе все порадовались», – пришла неожиданная мысль.

– Сам ты консервная банка, – обиделся Корабль.

«Теперь еще и мысли надо контролировать, – обреченно подумал я. – И дернул же меня черт связаться с этой операцией».

Вспомнив о ней, я вспомнил и то, зачем вообще на нее согласился.

– Постой-ка, – сказал я Кораблю, – а где твоя обещанная база данных и процессорные мощности? Что-то я их не ощущаю.

– Это потому, что нельзя ощущать то, что всегда было в тебе, – ответил Корабль. – Мои данные – это теперь и твои данные, они существуют в тебе так, словно ты знал их с рождения. Вот ответ мне, к примеру, зачем нужен тяговый блок на ногах дрона-солдата?

Не успел я возмутиться такому сумасшедшему вопросу, как тут же у меня в мозгу четко представился чертеж этого самого дрона во всех возможных проекциях, а также его отдельные части, в числе которых тот самый тяговый блок, что был предназначен для невысоких прыжков.

– Ага... – только и смог я произнести.

– Ага, – подтвердил мои мысли Корабль.

Я захотел узнать маршрут, по которому мы сейчас летим, и чуть не закричал от боли, захлестнувшей мой мозг. Количество данных, обрушившихся на меня, было просто невообразимо: звездные карты, расчеты движения, возможные проблемы при прохождении и многое, многое другое.

– Осторожнее, – предостерег меня Корабль, – я слишком молод, чтобы умирать. Нужно

хотя бы успеть сделать свою резервную копию.

– Что это было? – решил уточнить я, справившись с болью.

– Ты воспользовался только своим мозгом, чтобы обработать всю информацию по своему запросу, и допустил две ошибки. Во-первых, не задал конкретно, что тебе нужно, а во-вторых, не подключил мои процессорные мощности, необходимые для обработки данных. Учись думать как машина, Вова, – от его голоса веяло откровенным сарказмом.

– Так ты и мои эмоции начал перенимать? – попытался подтвердить я свою догадку.

– Я и раньше, еще на твоей планете, узнал о существовании эмоциональной окраски разговоров людей. Но теперь, когда я знаю о тебе все – мне стало понятно, для чего каждая конкретная эмоция нужна и когда ее можно применять. Например...

– Ладно, умник, – прервал я его. – Ты лучше расскажи мне, как подключать твои процессорные мощности.

– Очень просто. Для начала поделим их, чтобы не отбирать одни и те же ресурсы друг у друга. Так что вот эти сектора я заберу себе, а вот эти отдам тебе.

– Ты чего там опять умничаешь? – спросил я, не совсем понимая его бурчание.

– В общем, так: вот твои двадцать процентов процессорных мощностей – будешь подключать их, называя числа от одного до ста. Можешь использовать их как угодно: хоть все сразу, хоть по задаче для конкретной области, – игнорируя мою насмешку, ответил он.

– А почему это у меня всего двадцать процентов? – ревниво поинтересовался я.

Корабль засмеялся дребезжащим смехом:

– Да ты эти-то сначала осиль.

Поклявшись отомстить Кораблю за его жадность, я отправился в рубку – хотелось есть. После обеда я засел за тренировку – нужно было осваивать новые возможности. Это действительно оказалось невероятно трудно, я никак не мог привыкнуть к ощущению, что теперь у меня не один мозг, все во мне бунтовало против такого надругательства над природой. К счастью, я вспомнил про шахматы и начал играть сам с собой, постепенно подключая процессорные мощности Корабля для анализа дальнейших ходов.

Глава 2

ОХОТНИК

Я задумчиво смотрел в экран, на котором мы с Кораблем играли в шахматы. Конечно, мы могли бы играть и мысленно, но нам нравилось именно так – передвигая фигуры по экрану и беседуя при этом «за жизнь». За три прошедших года я многого достиг и многому научился. Каждодневные тренировки и обширный доступ к памяти Корабля позволили мне существенно обогатить свой кругозор и, главное, – научиться пользоваться своими новыми навыками. Даже в шахматах я теперь выигрывал у Корабля одну партию из трех. Тот недоумевал, почему я, при таких низких процессорных затратах, умудряюсь у него выигрывать. Он злился и предлагал сыграть еще.

Я учился у Корабля управлять процессорами и базами данных, а он учился у меня необычной для компьютера логике и фантазии.

Он долго не мог понять, почему иногда я занимаюсь тем, что не нужно для дальнейшей обработки и анализа. Я показал ему игру «Master of Orion 2». Мы с ним поменяли ее код на более гибкий, изменяющийся код Корабля, и получили возможность играть друг против друга и против других рас – заменив технологии и корабли, описанные в игре, на реальные инетроговские. Корабль понял, почему я этим занимаюсь, и мы теперь частенько играли в обновленную игру. Это было интересно и мне самому – узнать особенности оружия и конструкции кораблей инетрогов.

Мне, чтобы поддерживать достойный уровень игры с Кораблем, пришлось, кроме всего прочего, изучать стратегию космических боев, особенности оружия и различных видов защиты от него. Инетроги оказались миролюбивой расой, поэтому выбор оружия у них был невелик. Вот в чем они стали настоящими мастерами, так это в создании ИИ с высочайшим уровнем сознания, почти как у них самих.

Уровень этих технологий был невероятен – каждый корабль мог быть как полностью автономной единицей, так и частью экипажа. Все ИИ были саморазвивающимися, и для них постоянно проводились различные экзамены на пригодность – наиболее развитых и умелых продвигали на корабли большего тоннажа.

Так, за занятиями и разговорами, мы и коротали время. Наши с Кораблем взаимоотношения стали все больше походить на братские. Кораблю нравилось со мной возиться и заниматься моим воспитанием: как он мне сам признавался, он получал от этого приток эмоций, сравнимый с теми, которые возникают у него при получении новых данных.

Правда, он все больше надоедал мне шутками по поводу моего веса. Он говорил, что если я не перестану толстеть и не начну заниматься физкультурой, то вскоре превращусь в воздушный шарик. Его шутки вконец допекли меня, но менять я ничего не собирался: заниматься физкультурой означало для меня вернуться в школу, где надо мной издевались. Однажды между нами даже состоялся серьезный разговор по этому поводу.

– Вова, как ты не понимаешь, что мне совсем не хочется умирать, если с тобой что-нибудь случится, – начал Корабль. – Чем крепче ты будешь физически, тем больше шансов, что ты не умрешь раньше положенного людям срока.

– Что ты так переживаешь за мое здоровье?! – заводясь, спросил я. – Ты же сам сказал, что можешь сделать резервную копию и восстановиться, если я умру.

– Во-первых, проверять такие предположения на практике мне бы не хотелось, а во-вторых, я к тебе уже привык, твои нелогичные поступки ставят меня иногда в тупик, а это интересно изучать и анализировать. Да и, кроме того, с кем я тогда в шахматы буду играть?

– Лесть, конечно, приятна, – чуть остывая, признал я, – но пойми ты: все, что связано с физкультурой и развитием тела, ассоциируется у меня со школой. У меня перед глазами прямо встают картинки из прошлого, а это одни лишь насмешки и унижения. После такого у меня умерло всякое желание заниматься чем-либо подобным.

– Если не хочешь заниматься, давай вставим тебе усиленный скелет и мускулатуру. Технологии инетрогов позволяют мне проделать такую операцию. Станешь сильнее, быстрее и выносливее себя нынешнего раз в двадцать, – не сдавался он.

– Нет уж, спасибо, – быстро ответил я. – Я уже согласился на одну такую операцию, подсказанную тобой, теперь чувствую, всю жизнь придется расхлебывать ее последствия. Да и, знаешь ли, я всегда был противником киберизации человека. Считаю, что человек должен оставаться человеком – таким, каким его создала природа.

– Смотри сам, конечно, может, передумаешь, – ответил мне не очень довольный Корабль.

До цели – звезды спектрального класса K5 III – оставалось всего несколько дней полета, и, чувствуя волнение Корабля, я сам стал нервничать. Все уроки были заброшены, и мы оба не отрывались от колонок статистики, которую получали от сенсоров. К сожалению, наша скорость была настолько велика, что сколько-нибудь связной информации получить не удавалось – приходилось анализировать одни обрывки.

Утром, по корабельному времени, меня разбудил взволнованный голос Корабля:

– Вова, иди сюда, тут такое!

Я в одних трусах бросился в рубку управления, уклоняясь от роботов обслуживания, снующих по коридорам. Влетев в рубку, я застыл, пораженный. На экранах отображалось нечто такое, что полностью оправдывало мое решение отправиться в полет. Космос словно пересекала трещина. Все пространство вокруг нее казалось отражением в кривых зеркалах комнаты смеха. В центре этого искривления была чернота, а по краям пространство причудливо искрилось красным и желтым цветом. Корабль был со мной солидарен – зрелище действительно было завораживающим.

Полюбовавшись аномалией, мы занялись тем, зачем сюда прилетели: изучением звезды. Прошла неделя, прежде чем мы закончили полный анализ светила и его окружения, но никаких наводок у нас не появилось. Все было стандартно для звезды этого класса. Я предложил Кораблю заняться трещиной, поскольку это был единственный непонятный нам фактор, и он согласился. «Вполне возможно, – сказал Корабль, – что звезда – лишь пункт, куда нужно было лететь, а самой целью вполне может быть этот разлом пространства».

Приблизившись к нему, мы запустили сканеры и роботов-разведчиков. Результатов пришлось ждать долго, и все они были неутешительными. Корабельные программы анализа данных нам ничем помочь не могли по той простой причине, что никакой информации просто не получали, так как связь с роботами терялась в тот момент, когда они исчезали в разломе.

Вечером мы обсудили сложившуюся ситуацию и наши дальнейшие действия. То, что лететь назад нет смысла, было ясно нам обоим, и мы гадали только об одном: сейчас нам туда сунуться или подождать еще немного, проведя больше исследований. В конце концов сошлись во мнении, что ждать нечего и нужно лезть в разлом. Решившись на это, мы не

стали откладывать реализацию плана и, дав команду роботам-разведчикам возвращаться, медленно двинулись к аномалии, попутно собирая их на борт.

По мере приближения к разлому скорость нашего движения неуклонно увеличивалась, и вскоре мы почувствовали, что в работе двигателей никакой нужды нет: притяжение аномалии стало настолько сильным, что мы вряд ли сумели бы даже дать задний ход. Чем ближе мы подлетали к ней, тем выше была наша скорость. Еще минута – и мы влетели в черноту разлома. Электроника перестала работать, экраны отключились. Отчетливо заскрежетал корпус, но не успел я даже испугаться, как все оборудование вновь включилось, и я увидел на главном экране висящее прямо по курсу огромное прямоугольное сооружение.

«Это что еще за хреновина? – недоуменно подумал я, разглядывая его. – Хотя еще больше хотелось бы знать, где мы сейчас находимся», – пришла следом еще одна мысль.

– В этом я смогу тебе помочь, – раздался странный голос Корабля. – Причем у меня есть ответы на оба твоих вопроса. Мы находимся в секторе двенадцать тысяч семь – двенадцать дробь три, Большой галактики, а эта, как ты ее назвал, хреновина, скорее всего, – база по добыче и переработке антиматерии.

У меня после такого заявления чуть не отпала челюсть. Решив проверить все сам, я сформулировал запрос в базу данных Корабля и, подключив процессоры с первого по двадцатый, начал изучать поступающие данные. Все верно, это действительно была Большая галактика, карта которой находилась у меня перед глазами.

Изучение неизвестного сооружения также подтвердило правильность заявления Корабля: снующие рядом с нами небольшие корабли, подходя к природному скоплению антиматерии рядом с разломом, выхватывали из него силовыми захватами куски антивещества и, поместив их в собственное силовое поле, отвозили на фабрику.

Пока я наблюдал за их работой, Корабль, не теряя времени, принялся рассылать разведчиков на осмотр этого сектора. Внезапно я вспомнил кое-что и немедленно отменил его распоряжение, вернув роботов.

– Причина? – поинтересовался Корабль.

– Видишь ли, поскольку тут расположена фабрика с таким оживленным циклом производства, то, я думаю, это все довольно серьезно охраняется. А раз охраняется, то наверняка имеются станции наблюдения за сектором. И стоит им засечь появление неизвестных роботов, а тем более корабля, реакция их будет однозначной – нас просто уничтожат.

– Ты уверен?

– У нас бы так и поступили.

– Тогда активируем камуфляж и проведем осторожную разведку, – согласился он с моими выводами.

– И еще неплохо было бы узнать язык, на котором здесь общаются, а в идеале – сигнальные коды. А пока следует продумать легенду нашего здесь появления. У местных обитателей обязательно возникнет куча вопросов, которые они будут старательно нам задавать.

Через пару дней нашего пребывания у разлома все предположения полностью подтвердились. Действительно, данный сектор являлся важным центром по производству топлива из антиматерии, соответственно и охранение здесь было поставлено на высшем уровне. Возле ворот, ведущих в гиперпространство, располагались военная база и небольшой флот, полностью контролирующие вход и выход из этого сектора. Мы с Кораблем даже стали

свидетелями нападения на базу пиратской флотилии, пытавшейся прорваться к перерабатывающей фабрике.

У пиратов ничего не получилось, так как на перехват бросились сразу несколько легких крейсеров и штук двадцать истребителей, частично уничтоживших, а частично обративших в бегство все наступающие силы. Насколько я понял из анализа этого столкновения, пираты рвались к фабрике по производству антиматерии, даже не пытаясь атаковать военных.

Еще несколько дней были посвящены исследованиям самого сектора, после чего мы с Кораблем стали думать, как нам быть. Язык местных военных мы уже расшифровали, и теперь частенько сидели, прослушивая переговоры между флотом и базой. Оказалось, что этой системой владеет общегалактический Совет рас, и поэтому охраняют ее корабли, присланные всеми расами. Больше всего было кораблей теронов и людей, меньше всего пентагрионов.

– Можно прикинуться пострадавшими от нападения пиратов, – начал я обсуждение ситуации. – Корпус у нас и без того деформирован, если еще сами разрушим часть оборудования и сделаем пару пробоин, тогда точно сойдем за потерпевших. Скажем, что на нас напал неизвестный пиратский корабль и взял на абордаж. Мы сопротивлялись, но наш корабль был уничтожен, поэтому мы захватили чужой корабль и, как только смогли с ним управиться, полетели в ближайший населенный сектор. Коды сигналов бедствия у нас имеются. Остается главная и основная проблема: как нам вылететь к базе со стороны ворот, а не со стороны фабрики.

– Может, стоит имитировать нападение на корабли-погрузчики и фабрику? – предложил Корабль. – А когда флот бросится сюда, мы под маскировкой проскользнем к базе и там объявимся уже с сигналами бедствия. Пусть думают, что мы вышли из гиперпространственных ворот.

– Верно, а для пущей убедительности отправить к фабрике часть разведывательных роботов с излучающими сигналами пиратских переговоров, тех, что мы записали в прошлый раз, – завершил я его мысль.

– Согласен с тобой.

Уточнив все мелочи, мы приступили к выполнению плана. Для начала мы погромили корабль снаружи и внутри, чтобы он стал похож на жертву пиратского абордажа. Поскольку ломать – не строить, то с этой задачей мы справились быстро.

Перепрограммированием роботов занялся Корабль, а я засел за прокладку курса, которым мы собирались прокрасться к воротам, и внес в него несколько поправок, согласовав их с Кораблем.

– Знаешь, что еще нужно скорректировать в нашем плане? – внезапно сказал он. – Ты слишком молод для одинокого владельца межзвездного корабля: добавим к легенде, что путешествовал ты с семьей, но твои родители были убиты в бою. И еще одно, очень важное: не вздумай даже упоминать обо мне.

– Ну, это уж и дураку понятно.

– Также нельзя показывать, что я без гипердвигателя. Придется установить взрывные заряды на корпусе и двигателях... Решено, оставляем одну рубку и часть жизненно необходимых отсеков, остальное пусть взрывается, вроде как мы чудом вышли из гипера.

Я рассмеялся и сказал:

– С трудом представляю себе тот обрубок, который ты будешь представлять собой после взрывов. Мы летать-то хоть сможем?

– Только по инерции, – оптимистично ответил он.

Обсудив детали, приступили к реализации плана. Запустив роботов, мы принялись таранить ими корабли-погрузчики, и сразу же в сторону базы полетели сигналы бедствия.

Перехватив приказ военной базы флоту проверить причину выхода из строя погрузчиков, я сразу запустил еще с десятков роботов, которые понеслись к фабрике, засоряя эфир пиратскими сообщениями из прошлого боя.

Получив эти сигналы, база объявила тревогу, и на помощь ушедшим вперед кораблям отправились еще несколько. У базы и гиперворот осталось меньше половины всего флота.

Пока царил переполох, надо было приступать к решающей фазе нашего плана. Включив маскировку, мы рванули по проложенному нами маршруту – к гиперворотам. Я с замиранием сердца следил за сторожевиками, но маскировка инетрогов и всеобщая суeta нас не подвели, мы проскочили незамеченными.

Далее последовало подготовленное театральное представление: взрывы, вопли о помощи, невесомость и ожидание в темной рубке, когда нас возьмут на буксир.

Ждать пришлось недолго. После такого эффектного появления мы обратили на себя всеобщее внимание, и к нам бросился один из кораблей охраны, располагавшихся поблизости. Он-то и подцепил нас силовым захватом и втянул в док базы. Очень скоро роботы-техники срезали торчащие в разные стороны элементы конструкции Корабля, и в рубку ворвались вооруженные существа, облаченные в темные скафандры.

Мне даже не пришлось притворяться испуганным: когда Корабль взрывом оторвал рубку с парой соединенных с ней отсеков, а потом разнес чуть ли не вдребезги ставшие ненужными корму с двигателями, то я, находясь в крутящемся и по инерции летящем в сторону базы обрубке, серьезно беспокоился своим здоровьем.

Один из тех, что вторглись в рубку, что-то сказал.

– Жив, давайте сюда врача, – перевел мне Корабль.

Я закрыл глаза и лежал до прихода врача. Он осмотрел меня и дал понюхать какой-то гадости, отчего я тут же «пришел в себя».

– Где я? – слабым голосом спросил я у стоявших полукругом людей и теронов.

В ответ послышались возгласы на разных языках.

– На каком языке он говорит? Кто-нибудь его понимает? – перевел их слова Корабль.

Я «с трудом» поднялся, подошел к пульта управления и якобы что-то там сделал. После моих манипуляций Корабль мог начать переводить мои слова – стандартная функция всех ИИ, используемая теми, кто не владеет общегалактическим языком. Об этом мы также узнали из переговоров между базой и флотом.

– Вы меня понимаете? – спросил я у военных, для вида нажав еще пару кнопок.

Корабль перевел мои слова на общегалактический.

Военные, услышав Корабль, кивнули и сказали мне что-то. Корабль по громкой связи озвучил перевод:

– Да, понимаем. Что с вами случилось? И что за странная конструкция у вашего корабля?

Я, сделав вид потрагичнее, выдал нашу с Кораблем заранее выученную версию произошедших событий.

– И ты сам разобрался в устройстве и управлении чужим кораблем? – недоверчиво спросил меня один из военных.

Как мы с Кораблем и предполагали, это было одно из слабых мест в нашей легенде, но

мы заранее приготовили ответ.

– Да, хоть мне и было трудно, – ответил я. – Если не верите, то посадите меня в любой из своих кораблей – и я заставлю его летать.

Военные загудели, а Корабль мне стал переводить их слова, но уже мысленно:

– Говорят о том, что мальчик либо врун, либо гений. Вон тот высокий терон заинтересовался тобой и говорит, что твои слова легко проверить у них на тренажере. Думаю, сейчас они тебя поведут туда.

Корабль оказался прав, военные предложили мне пойти с ними. Прежде чем покинуть рубку, я сказал, обращаясь ко всем сразу:

– Я перелил программное обеспечение с нашего погибшего корабля на этот и не хочу, чтобы его повредили. Поэтому если можно, то я позже вернусь и заберу его.

Десантники со мной согласились, говоря, что хорошо настроенные боевые программы, да еще и способные работать с чужим кораблем, – дорогого стоят. Один из людей распорядился, чтобы обрубок корабля убрали в свободный бокс на ремонтной базе. Мы с Кораблем были уверены, что кроме проверки моих знаний будут проверять и бортовой журнал, поэтому заготовили фальшивку и на этот случай.

Меня привели в комнату, где висели несколько сфер. Показав мне на одну из них, военные вышли из комнаты и собрались в соседней, отделенной от моей стеклом.

Подойдя к первой сфере, я подождал, пока она не опустилась до пола, и забрался в нее, оказавшись в тесной рубке флотского истребителя. То, что это именно он, мне подсказала как форма кабины, так и часть приборов, необходимых для слежения за работой орудий, которые мы с Кораблем видели только на истребителях, крутившихся вокруг базы.

В рубке раздался голос электронного переводчика:

– Готов? Мы запускаем стандартные предполетные тесты пилота.

Я кивнул, ничуть не сомневаясь, что все мои действия будут видны в соседней комнате.

– Ну что, ты готов? – спросил я у Корабля.

– Да, конечно, – ответил друг. – Ко мне уже подключили сканер и начали проверку баз данных. С помощью его интерфейсов я проник к ним в сеть, сейчас скачиваю все тренировочные тесты и записи реальных полетов. Подключай свои процессоры и анализируй информацию, ссылку я тебе кину.

Я подключил сразу двадцать процессоров и быстро просмотрел всю документацию, скачанную Кораблем из сети базы. В принципе все было понятно, оставалось только применить это на практике. Я положил ладони на пульт управления – руки обволокло чем-то мягко-упругим. Ноги я вставил в специальные зажимы на кресле.

«Пожалуй, для первого полета задействовано маловато процессоров», – подумал я и подключил еще двадцать.

– Не переусердствуй там, – предупредил меня Корабль.

– Сам знаю, не мешай, – ответил я.

Нужно было заниматься подготовкой истребителя к полету, проведя все проверочные тесты.

– Я подключился к микрофонам комнаты, где сейчас находятся твои проверяющие, – произнес Корабль. – Тот высокий терон настоял на самой сложной полетной программе, которую выполняют только асы. Будь внимателен.

Я поблагодарил его.

Дождавшись окончания предполетной проверки, я нажал ногой на педаль ускорения и,

включив форсаж, вылетел с базы. Вышло не идеально, но для человека, впервые севшего за штурвал, – вполне прилично.

После вылета в открытый космос на моем экране высветилось полетное задание. Ознакомившись с ним, я понял, что не зря Корабль предупреждал меня – задание заключалось в том, чтобы атаковать базу и нанести ей максимальные повреждения. Естественно, что база не будет изображать из себя мишень, а сама постарается меня сбить. Не успел я обдумать задание, как промелькнувшие трассеры от осколочных бластеров дали мне понять, что миссия началась.

Задание, кроме своей сложности, было еще и на время – летчику давалось десять минут для реализации своей стратегии. Поскольку устройства базы я не знал, то решил атаковать первое, что попало на глаза – взлетные площадки истребителей. Если они выйдут на охоту за мной, то мне точно будут кранты. От орудий базы я еще как-то постараюсь уклоняться, но вот насевшие собратья по оружию меня в два счета прикончат.

Определив направление атаки, я двинул правой рукой, закладывая вираж, и одновременно с этим втопил ногой педаль ускорения. Я успел уничтожить только восемь из двенадцати взлетных площадок и теперь судорожно метался между истребителями, взлетевшими с оставшихся.

Внезапно механический голос в кабине сказал:

– Задание окончено. Количество очков за задание – двенадцать тысяч четыреста пятьдесят. Новый рекорд базы записан.

Услышав эти слова, я понял, что все-таки перестарался, ведь рекорд могли поставить только настоящие асы. Опустившись на одну из уцелевших площадок, я проверил корабль на повреждения, затем нажал кнопку окончания задания. Открылась дверь, я вышел из сферы и увидел в тренировочном зале группу молчаливых военных, с изумлением меня рассматривавших.

– Предупреждал же тебя, – ворчливо заметил мне напарник. – Теперь сам выпутывайся, я занят. Мне нужно уничтожить все следы моего пребывания в сети базы.

Один из военных протянул мне небольшую коробочку.

«Переводчик», – догадался я и повесил ее на шею.

– Ты раньше управлял истребителями? – задал он вопрос.

– Нет, – честно ответил я.

– Похоже, мальчик сказал правду, – произнес высокий терон.

– Его слова подтверждает и бортовой журнал корабля, – ответил ему другой терон.

– Жаль, что он такой молодой и без соответствующего образования, – с сожалением сказал один из людей. – Я бы хоть сейчас зачислил его в свою эскадрилью.

– Ты можешь это сделать, – произнес один из военных. – Он установил новый рекорд базы.

– Какие у тебя планы на будущее, Вова? – спросил меня высокий терон.

Я понял, что он уже ознакомился с фальшивым бортовым журналом.

– Хочу продать одну интересную технологию тому, кто за нее хорошо заплатит, а затем купить хороший корабль и стать охотником, – без малейшей запинки ответил я.

Военные недоуменно переглянулись, и тот же терон (Корабль уже сообщил мне, что это командир базы) спросил:

– Что за технология такая?

Я сделал вид, что колеблюсь, но затем, подняв глаза на командира базы, ответил:

– Перепрограммируя корабль пирата, я наткнулся на интересные чертежи оптического камуфляжа, которые он где-то украл.

Военные стали обмениваться короткими фразами, а командир базы внимательно посмотрел на меня:

– Покажешь мне эти чертежи?

Я кивнул и сказал, что могу показать прямо здесь. Нужен только голограф.

Корабль уже перевел данные чертежей в формат, понятный местному голографу, поэтому, когда я сунул свою пустую карту памяти в голограф, он быстро перекинул на нее необходимые данные через сеть базы.

Мы заранее договорились с ним, что уничтожим все технологии инетрогов, оставив только одну для продажи. Поэтому взрывчатку устанавливали с большим запасом, чтобы она не только раскидала части устройств, но и сплавилась все устройства в один большой комок. Мы даже полностью переоборудовали рубку управления, оставив только минимум приборов. Военные мало что из нее смогут выжать. Определяют, что корабль чужой постройки, а вот чьей – неизвестно.

Тем временем на голографе прокручивались чертежи и правила сборки оптического камуфляжа. Военные смотрели туда с возрастающим интересом.

– Говоришь, хочешь купить корабль? – спросил меня командир базы после окончания просмотра.

Я кивнул:

– Любой, чтобы летал в гиперпространстве и не разваливался на части.

– А почему ты хочешь стать охотником? – снова спросил он меня. – В последнее время это название все больше ассоциируется с пиратом, чуть реже с контрабандистом и еще реже с купцом. Зачем тебе это?

– У меня теперь нет ничего, – притворно загрустив, ответил я. – Родители погибли, все деньги, что у нас были, ушли на покупку корабля. Отец хотел купить его у астан, перепродать пентагрионам и на этом прилично заработать, но видите, чем это все закончилось? Родных у меня нет, так что это единственный доступный для меня путь встать на ноги. Приобрету корабль, поднакоплю денег, выполняя разные заказы, а потом и в купцы пробьюсь. Я слышал, что пентагрионы в последнее время все активнее скупают астанское вооружение.

Военные переглянулись.

– Юноша далеко пойдет, – сказал один из людей.

– С такими навыками пилота – ничуть не сомневаюсь, – ответил ему другой.

– Вова, предлагаю тебе сделку, – внезапно сказал командир базы. – Ты отдаешь эти чертежи мне, а я передаю тебе корабль и выписываю лицензию охотника.

– Мне кажется, что мы сильно продешевили, – заметил Корабль. – Но отступать поздно. Этот тип явно уже подсчитывает деньги, которые получит от продажи нашего изобретения.

– По рукам, но с одним условием, – сказал я, пока командир не передумал.

– Каким же? – напрягся он.

– Я воспользуюсь вашими роботами для разборки и утилизации своего корабля, а точнее, того, что от него осталось. Заодно перелью свой софт на новый корабль, мне в нем управление огнем и способы уклонения от ответного нравятся.

– Ну, это без проблем, я отдам необходимые распоряжения техникам, – сразу расслабился терон. Моя просьба не угрожала ему в плане «честного» приобретения технологии, в которой он видел серьезные перспективы личного обогащения. – Завтра с утра

приходи ко мне, подпишем все необходимые бумаги, и я выдам тебе документы на владение кораблем и лицензию охотника. – Он сделал повелительный жест подчиненным, развернулся и направился к выходу из зала.

За ним последовали остальные. В зале остался только пожилой человек с золотым значком истребителя на голубом погоне правого плеча.

– Штатный сержант Вилисон, – представился он. – Можешь называть меня мастер Вилисон. Пойдем, провожу тебя в твоё временное пристанище.

– Владимир, – отрекомендовался я. – Можно просто Вова.

– Странное у тебя имя, никогда такого не слышал, – удивился он.

Я пожал плечами:

– Обычное имя для Отокана. Это наша планета. – Я внимательно следил за его реакцией.

Мы с Кораблем договорились, что в основу нашей легенды положим самую захолустную и редко посещаемую из населенных людьми планет. Во всем остальном мы решили говорить правду, чтобы не сбиться и не попасться на противоречиях.

– Даже не представляю, где это, – покачал головой сержант.

Я благоразумно промолчал.

Мы добрались до казармы, где Вилисон передал меня человеку с золотым значком истребителя на коричневом погоне. Мы познакомились – это оказался капрал Редник, заместитель командира первой эскадрильи истребителей. О моем рекорде на тренировочном стенде дежурная смена пилотов уже знала, так что присутствующие засыпали меня вопросами относительно деталей боя и приемов, которые я использовал при атаке базы. Разговаривать с ними было весело и интересно. Потом мы все вместе отправились сначала в душевые, а затем на ужин в столовую.

Там меня представили остальным летчикам-истребителям, а также рассказали им, какое я набрал количество очков на летном тренажере. Многие, конечно, не верили, что такое возможно в первый раз, да еще и на незнакомом оборудовании, но результат был официально зарегистрирован. При запросе о рекордах базы по тренировочным вылетам на первом месте красовалась надпись: «Неизвестный пилот – 12450 очков».

Так, знакомясь с разными людьми, принимая поздравления и отвечая в сотый раз на одни и те же вопросы, я и провел время до вечера. Спать меня положили на койку пилота, вышедшего на дежурное патрулирование сектора, и, едва коснувшись головой подушки, я уснул.

Утром я поднялся вместе со всеми по сигналу пробуждения, умылся и проследовал на завтрак. После него летчики отправились на физическую подготовку, а я пошел к командиру базы. Тот меня встретил даже чересчур радушно, а когда я сел за стол, протянул полностью оформленные бумаги, которые оставалось только подписать.

Я задумался. Что-то в его поведении мне не нравилось.

– Быстро подписывай документы и скройся с его глаз, – внезапно произнес Корабль.

Я быстро, не читая, расписался там, где мне было указано, и поднял взгляд на терона. Весь его вид говорил о том, что он чрезвычайно доволен заключенной сделкой.

Вызвав техника, командир поручил ему проводить меня к моему кораблю. Мы вышли из его кабинета и пошли к ангарам ремонтной базы.

– В общем, так, – заговорил со мной Корабль. – Оказывается, вчера этот гад связался с главой своего клана, и тот похвалил его за столь ценное приобретение, как наша технология.

В конце разговора они решили нашу судьбу. Корабль нам дадут плохой, без вооружения и защиты, но целый – его даже проверят техники перед вылетом, чтобы ни у кого не возникло потом подозрений о причастности командира к твоему исчезновению. Когда ты полетишь к воротам гипера, то возле них внезапно вынырнет пиратский корабль и атакует тебя. Пират на самом деле будет липовый, им прикинется один преданный командиру базы пентагрион, на счет которого уже перечислили вознаграждение за твое убийство. Так что нужно как можно быстрее переносить меня на твой новый корабль и мотать отсюда, пока они не придумали еще чего-нибудь для полной гарантии твоего исчезновения.

– М-да, – только и смог я ответить, пораженный мелочностью и подлостью столь высокопоставленного военного.

Прибыв в ремонтный док, техник показал мне мое приобретение. Я хмыкнул. Он повернулся ко мне и сказал:

– Не смотри, что он так выглядит и старой модели. Главное, выдержит полеты в гипере, а если повесить на него оружие и защитный экран, то вполне можешь защититься от такого же по классу корабля.

– Вот именно, что от такого же, – грустно сказал я, осматривая всучиваемую мне рухлядь. Корабль уже подтвердил, что это давно снятая с производства первая модель военного корабля людской постройки, с древним корпусом и таким же двигателем. Все остальное оборудование необходимо было посмотреть внутри.

Поскольку корабль предназначался для полетов в гипере, то по размерам он хоть и уступал моему первому кораблю, но все же был на порядок больше, чем истребители базы. На нем имелись две небольшие каюты и рубка управления.

Теперь мне необходимо было завершить наш план, перенести серверы Корабля на новый корабль. Почувствовав тавтологию, я в очередной раз задумался о том, что надо бы дать Кораблю нормальное имя. Но так как ничего подходящего не придумывалось, опять решил отложить это на потом.

Техники базы, как и обещал командир, мне действительно помогали. Тут имелась тонкость: я буквально спинным мозгом чувствовал, что, если переносить серверы со старого корабля на новый, отключив питание, – это кончится плачевно и для моего симбионта, и для меня. Так что я сослался на приказ командира базы и велел работать без отключения. Такая сложная и длительная операция могла бы вызвать подозрения и вопросы, но техники, слышавшие распоряжение начальства, даже не поинтересовались подробностями того, что им предстояло делать.

«Хорошо иметь дело с военными, – подумал я. – Приказ получили – надо исполнять, а почему да как – не наше дело, старший приказал».

Вся операция заняла шесть земных часов. Когда монтаж серверов был закончен, мы присоединили основное питание к серверам Корабля, и я лично проследил за тем, чтобы провода-временки не отключили до этого момента. В качестве премии за добросовестно выполненную работу я отдал техникам серверы с купленного корабля, чем безмерно их осчастливил. Эти серверы можно было продать торговцам, а деньги поделить между собой, так как никто не учитывал оборудование, которое не принадлежало военным.

Когда все было закончено, я несколько раз проверил прочность креплений и правильность соединения контактов у серверов, и, даже следуя указаниям Корабля, провел процедуры тестирования их на устойчивость к тряске и ударам – все было отлично. Мы приварили к переборкам нового корабля старые крепления, взятые с родного,

инетроговского, и серверы легко встали на привычные места. Закончив все проверки, я устало опустился в непривычное для меня кресло нового корабля и проворчал:

– Ведь говорил тебе, что проще скопировать тебя на серверы нового корабля, чем таскать взад-вперед это старье.

– Ага, и потерять при этом пятьдесят процентов эффективной производительности? – рассердился Корабль. – Нет уж, если я и буду куда-либо перезаписываться, то только на более мощные платформы.

– Ну ладно, вместо того чтобы болтать, проверил бы лучше все системы нового корабля, может, командир базы нам подарочек приготовил, – прервал я наш спор.

– Я в отличие от тебя первым делом именно это и сделал, а только потом стал с тобой болтать, – съязвил Корабль.

– Докладывай тогда результаты, а не выпендривайся.

– Как я уже сказал, это самая первая модель военного корабля человеческой постройки, – начал он. – Давно нигде никем не используется, кроме пиратов и охотников, так как подобные корабли доступны новичкам из-за их невысокой цены. На них можно установить кое-какое новое оборудование, но это связано с такими затратами, что проще накопить денег на корпус посовременнее, а потом на него навешивать все необходимое – это будет значительно дешевле.

– Понятно. Что из остального оборудования установлено на борту?

– Все по минимуму и такое же устаревшее: топливный бак, радар, сканер и силовой захват. Ремонтного дроида нет, генератора защитного поля нет, вооружения тоже нет. В общем, используя твои понятия – это настоящая консервная банка, которая может летать, – закончил свою речь Корабль.

– А с этим мне что делать? – спросил я, доставая электронный ключ – удостоверение охотника.

– Возьми и сам сделай запрос в мои базы данных, – ехидно ответил он. – Я не знаю ничего, что не было бы доступно тебе.

– Вот ты так, да? – возмутился я. – Ну смотри, если тебе от меня тоже понадобится какая-нибудь информация – искать будешь сам.

– Да ладно, я сейчас все предоставлю, не сердись, – дал обратный ход Корабль.

У него постоянно возникали проблемы с поиском информации у меня в мозгу. Он всегда ругался, когда пытался отыскать необходимое, причитал, что человеческий мозг – просто неструктурированная помойка.

– Ну-ну, – ехидно усмехнулся я.

– Электронный ключ охотника – это не только удостоверение его личности, но и счет, на который поступают средства за выполненные задания. Ты и сам можешь положить на этот счет деньги, если они у тебя есть, конечно. При покупке нового корабля ты просто переставляешь ключ, и все данные, что имелись о тебе в старом корабле, стираются, а на новом записываются. Очень удобно для тех, кто занимается незаконным бизнесом, потому что как только корабль примелькается военным и полиции, можно сменить его без всяких для себя последствий.

Кстати, ключ имеет самую высокую степень защиты от взлома, даже выше, чем платиновые монеты теронов, используемые в анонимных сделках. Считается, что его невозможно подделать, так как каждый месяц выходят обновления его защиты. Они автоматически заливаются в ключи кораблей, приземлившихся в космопорту любой планеты.

– Спасибо, – поблагодарил я его за подробную информацию. – Думаю, раз все закончено, остается только уничтожить наш старый корабль и отчаливать.

– Согласен.

Подойдя к техникам базы, я попросил у них несколько механизмов для утилизации остатков корпуса. Обрадованные, что эту кропотливую и нудную работу я решил делать сам, они с удовольствием предоставили мне сразу четырех роботов, с помощью которых я за четыре часа превратил остатки корабля в куски, годные только для переплавки.

Пока я занимался уничтожением старого корпуса, Корабль осваивался на новом месте, внося изменения в работу всех систем.

– Я закончил, – сказал он, когда я принял душ и попрощался с пилотами, которые не находились на боевой вахте.

– Тогда давай решим, куда летим, – и в путь, – ответил я.

– Я предлагаю отправиться на ближайшую планету пентагрионов – Гелар. Туда мы точно доберемся. К тому же в базе данных она значится как место с большими возможностями для заработка.

– Тогда вперед, – сказал я и начал проводить предполетные тесты.

Не то чтобы я не доверял Кораблю, просто мне нужно было набирать опыт в управлении разными типами кораблей. Получив добро диспетчера на взлет, я стартовал, отлетел от базы и начал разгон для проверки систем. Включив максимальное ускорение, мы направились в сторону гиперворота. Через шесть часов, когда мы были почти у цели, на радаре появилась метка быстро приближающегося к нам корабля.

– А вот и обещанные гости, – констатировал Корабль.

– Странно, что сканер ничего не показывает, – пробормотал я.

– Еще бы, нашему сканеру просто недоступно его защитное поле. Переходим к плану «А»?

– Через десять секунд, – ответил я, оценив расстояние до атакующего.

Наш план был очень прост. Поскольку двигатель на «пирате» был явно лучше нашего, то у нас оставался единственный шанс на спасение – успеть проскочить в гиперворота. Шанс был слабенький, но наиболее приемлемый из всех, что мы рассматривали.

В той стороне, куда мы держали путь, имелось огромное скопление метеорных тел, в которое мы намеревались нырнуть и выйти с другой стороны, порядочно оторвавшись при этом от преследователя. Единственной нашей проблемой было отсутствие на корабле поля, которое защитило бы нас от камней. Иными словами, мы не могли допустить, чтобы в нас попал камень размером больше, чем голубиное яйцо, иначе на таких скоростях броня корабля не выдержала бы попадания.

Призывы о помощи мы посылать не стали, так как не было известно, направил командир базы за мной один корабль или несколько. Увидев, что мы не меняем курс и движемся в сторону обломков, преследующий нас корабль увеличил скорость – и на экране радара появились четыре красные точки.

– Ракеты, – раздался голос Корабля.

Я угукнул и полностью сосредоточился на управлении – мы влетали в скопление.

Поскольку старые корабельные системы не имели возможности полного автоматического управления, мы с Кораблем распределили обязанности между собой. Он отвечал за предоставление информации о ближайших опасных объектах, а я управлял полетом.

В скоплении скорость пришлось немного погасить: мне в голову стала сыпаться обильная информация об опасных объектах, которые при попадании в корабль вызвали бы разрушение корпуса. Для анализа этой задачи пришлось подключить пятьдесят процессоров – максимум того, что я мог сейчас контролировать. Только пять из них помогли мне в полете, остальные были заняты анализом информации, поступающей от Корабля.

Радар задней полусферы показал взрывы ракет, врезавшихся в метеорные тела. Корабль неприятеля влетел в скопление сразу вслед за взрывами. Теперь нужно было оторваться от него и вылететь из скопления настолько близко к гиперворотам, насколько это возможно. Возле них находились патрули, которые сразу пресекут пиратские действия преследующего нас корабля.

«Жаль, что у нас такой старый двигатель, – в очередной раз подумалось мне. – Ушли бы в гиперворота и не рисковали жизнью среди этих космических камней».

– Не отвлекайся, – сказал Корабль, услышавший мои мысли.

Он был прав, нужно сосредоточиться и попытаться увеличить скорость: необходима большая фора, чтобы, выйдя из скопления, успеть долететь до охраняемой зоны гиперворот. Выбрав оптимальный маршрут, я ускорил корабль. По корпусу заколотили мелкие камешки.

Уже через пять минут Корабль сообщил о двух небольших пробоинах и блокировке разгерметизированных помещений. Хорошо, что к этому времени мы вышли из скопления и я смог увеличить скорость. Видя, что мы от него уходим, неприятель тоже ускорился. Но не прошло и минуты, как Корабль сказал, что нам торопиться уже некуда, преследователь сбросил скорость. Посоветовавшись с ним, я принял решение подойти ближе и осмотреть корабль, по возможности сняв с него нужное нам оборудование.

Приблизившись к летящему по инерции кораблю, я еще раз просканировал его. Теперь, без работающего защитного поля, я без труда снял его параметры. Корабль через несколько минут выдал результат анализа: пилот при прохождении скопления слишком понадеялся на свое защитное поле, густой боковой поток обломков перегрузил защитный генератор, и тот отключился. Так что теперь весь бок пирата был похож на решето, в том числе и в районе рубки управления.

– Можешь надевать скафандр и смело отправляться на поиски, – подытожил Корабль результаты сканирования.

Этого мне категорически не хотелось, но в отсутствии роботов пришлось все делать самому. Пообещав себе в ближайшее время купить пару-тройку роботов для захвата трофеев, я влез в скафандр и, оттолкнувшись от люка, включил ранцевый двигатель.

Вблизи корабль выглядел даже хуже, чем решето, столько в нем было разнокалиберных пробоин. Включив плазменный резак скафандра, я расширил самую плотную совокупность дыр, разворотивших бок корабля, влетел внутрь и осмотрелся. По всей видимости, это был трюм, так как все было уставлено какими-то контейнерами, прикрепленными магнитными захватами к полу и стенам. Подлетев к одному из них, внешне совершенно целому, я отсканировал штрих-код.

– Ты везунчик, Вова, – весело сказал мне Корабль. – Это предметы астанской роскоши. Придется перебирать все контейнеры, чтобы выбрать все годное к реализации. Продадим их на Геларе и, если повезет, купим на эти деньги дроида и генератор защитного поля.

Решив оставить контейнеры с роскошью на потом, я отправился исследовать корабль. Вскоре мне попался ремонтный дроид, полностью выведенный из строя прямым попаданием обломка. Лишившись управления, все мини-роботы системы устранения

повреждений корпуса застыли на своих местах. Осмотрев дроида, я понял, что ремонту он не подлежит, но все его мини-роботы можно будет присвоить, чтобы не покупать их потом, для своего дроида.

Сделав мысленную пометку, я полетел дальше. К сожалению, все остальное оборудование было всего лишь кусками покореженного металла и композитных материалов. Когда я влетел в рубку управления и увидел то, что осталось от пилота, меня вывернуло наизнанку. Хорошо еще, что в скафандрах была предусмотрена возможность сбора рвотных масс. То, что осталось от «пирата», трудно было назвать телом. Скорее это напоминало кусок мяса, нафаршированный камнями. Сама рубка также была почти полностью разрушена, и, осмотрев ее, я понял, что больше мне тут ловить нечего.

Перенос всех мини-роботов системы ремонтного дроида на мой корабль, а также рассортировка контейнеров грузового отсека отняли у меня остаток дня. Когда все сочтенное хоть к чему-то пригодным было перегружено и закреплено, я принял душ в одной из кают и, захватив с собой поднос с пищей насущной, вернулся в рубку.

– Первое, что я куплю, – так это роботы, которые будут делать тупую работу по переносу всяческого хлама, – сказал я Кораблю.

– Лучше подумай насчет ремонтного дроида и защитного генератора, – проворчал он.

– Нет уж, сначала роботы, я слишком ленив для того, чтобы заниматься еще и погрузочно-разгрузочными делами, – категорично ответил я.

– А по-моему, тебе будет полезна физическая работа, ты не стройнеешь год от года, – тонко намекнул Корабль.

– Тема закрыта, – отрезал я и принялся за еду.

Закончив с едой, я запустил двигатель и, на всякий случай протестировав его, медленно двинулся к воротам.

Выход в гипер и приземление на Гелар прошло без проблем. После авторизации на подходе к планете с помощью ключа охотника мне был предоставлен коридор для посадки. Глядя на мелькающие на экранах постройки пентагрионов, я удивлялся и поражался, ведь все здесь для меня было необычно.

Как рассказал Корабль, пентагрионы любили жить на планетах, полностью покрытых водой, но не брезговали и сушей – благо могли дышать и там, и там. Гелар был планетой, где суша с водой соотносились между собой примерно как две трети к одной, причем вся твердь была отдана людям под пастбища и поля, засеянные сельскохозяйственными культурами. Сами пентагрионы обитали на водной части планеты, добывая там продукты пропитания. Они бы и рады были ничего не выращивать, занимаясь торговлей или пиратством, но ввозить еду с других планет было дорого, и им приходилось заниматься самым нелюбимым делом всей расы – работой.

Политика всех пентагрионских родов и правительства всегда заключалась в одном – хапнуть много и быстро. Именно поэтому другие расы не заключали с ними долгосрочные контракты, зная, что они не будут соблюдать пункты договора, а бросятся за сиюминутной прибылью.

Нацепив на себя переводчик, я запросил у справочной службы космопорта место, где можно было бы продать свой товар и купить необходимое. Все оказалось просто. Все, что угодно, можно было продать и купить, вообще не выходя из корабля: покупатели сами увезут товар, а продавцы сами доставят и смонтируют нужное оборудование. Правда, меня смутили цены на эти услуги, и я решил посмотреть раздел справки охотников. Сразу вывалилась куча

предложений о работе и возможностях заработка. Не став просматривать их лично, я попросил Корабль проанализировать разницу между ценами космопорта и ценами охотников.

Через минуту он выдал результат, поразивший меня – первые цены от вторых отличались в десятки раз. То есть реально было продать мой товар на порядок дороже, чем предлагали за него официальные представители пентагрионских купцов. Немного офигев от подобной диспропорции, я решил пойти по второму пути, так как терять такие деньги было бы непростительной глупостью.

Корабль, облавив все виртуальные магазины, верфи и одиночных продавцов, сказал мне, что вооружение будем приобретать по подложным документам на черном рынке. Цены там были самыми низкими, хотя операция была насквозь незаконной, да и гарантии на свой товар продавцы не давали. Но поскольку Корабль был самым лучшим анализатором оборудования, то этот аспект мы в расчет не принимали.

Когда я поинтересовался стоимостью корабля с самым лучшим на настоящее время корпусом и оборудованием, Корабль просто вывесил на экране число, при одном взгляде на которое меня чуть не парализовало. Для сравнения: наш корабль со всем его оборудованием и взятой у «пирата» добычей можно было продать всего за тысячу галактических кредитов, а чуть более современный, причем пустой и не самой лучшей пентагрионской постройки, стоил не меньше десяти тысяч. Цены же на корабли, сошедшие с верфей теронов, вообще начинались с пятидесяти тысяч кредитов.

Увидев, сколько стоит современный корпус с лучшим вооружением и оборудованием, я задумался, как вообще можно раздобыть столько денег. Стало понятно, почему нынешние охотники занимаются в основном пиратством – цена контрактов на выполнение заданий правительства или торговых корпораций была просто смехотворна, поскольку спрос значительно превышал предложение. Например, обычное задание отвезти почту или забрать посылку в другом секторе оценивалось в среднем в триста кредитов – эта сумма едва покрывала все расходы, связанные с перелетом в нужное место.

Самые высокооплачиваемые задания – от тысячи до пяти тысяч кредитов – вызывали сомнения в возможности их одиночного выполнения. Уничтожение пиратской базы или одной из сильных пиратских группировок, без хорошо вооруженного корабля, было практически невозможно. А если брать в компанию других охотников, то сумма, поделенная на всех, становилась просто мизерной.

Немногим лучше выглядели предложения в разделе охотников. Там за пятьсот кредитов предлагалось провезти груз до места назначения, причем он был без документов и конкретного хозяина, то есть попросту говоря – контрабанда. Если с таким грузом поймают военные, неприятностей не оберешься.

– Слушай, я тут нарыл море интересной информации о давней войне с берсеркерами, так что покопаюсь в ней, обойдись без меня некоторое время, – предупредил Корабль и умолк.

Перед выходом из корабля я решил узнать что-нибудь насчет криминальной обстановки в городе – и ужаснулся. Всех иностранцев, которые не могли себя защитить, тут воровали для продажи в рабство – это особо упоминалось везде в новостях и сводках. Особенно много было предупреждений для приземлившихся пилотов, касающихся перемещений вне территории космопорта, так как участились случаи, когда их захватывали и пытали с целью присвоения их корабля. Прочитав все остальное, я понял, почему цены на черном рынке

столь умеренны, а официальные торговцы берут так много. Видимо, мало находится смельчаков, которые, узнав о местных нравах, выползут за пределы космопорта, чтобы получить за свой товар нормальную цену.

Я обратил внимание на то, что каждое из всех этих предупреждений сопровождалось предложениями по организации услуг эскорта и фирм, предоставляющих охрану и безопасность.

«А кто поручится за то, что эти самые фирмы не крадут доверчивых клиентов?» – задал я себе вопрос.

Ответа на него не было. Подумав, где взять информацию, я снова обратился к разделу охотников, в категорию предоставляемых услуг, и почти сразу нашел несколько предложений фирм, занимающихся охраной.

Почитав отзывы об одной из них, я перешел на страницу этой фирмы и присвистнул – цена за их работу была очень приличной. Пять часов обеспечения безопасности стоили триста галактических кредитов, то есть почти треть стоимости моего корабля. Нужно было прикинуть, сколько я могу получить за остатки астанской роскоши и есть ли вообще смысл затевать с охраной.

Найдя покупателя на свой товар, я прикинул, что, с учетом торгов, груз можно скинуть максимум за две тысячи кредитов. Необходимо было закупить на эти деньги ремонтного дроида и генератор защиты, а также заправить корабль топливом из антиматерии. Прикинув по ценам черного рынка, что могу уложиться в тысячу пятьсот кредитов, я решил, что охрану на один выход за территорию космопорта можно себе позволить. Поскольку наличных денег у меня не было, я принялся искать в разделе охотников возможности получения срочного кредита под залог своего корабля. Найдя целую кучу таких объявлений, я опять полез в отзывы о работе этих фирм.

Как я и предполагал, половина из них была чистой воды аферистами. Выбрав одну из самых привлекательных – с точки зрения большинства клиентов, – я связался с ней. Услышав процент, который они брали за предоставление денег, я поморщился, но, поскольку другого выхода не было, согласился на ссуду в шестьсот кредитов, предусматривая лишнюю сотню на всякий непредвиденный случай. Подписав все необходимые бумаги с помощью своего ключа охотника и практически сразу же получив деньги на счет, я, не выходя из корабля, позвонил в охранную фирму.

Фирма действительно оказалась вполне солидной, не зря о ней было столько положительных отзывов от охотников. Как только я перевел обязательную предоплату в размере ста кредитов на их счет, со мной связался диспетчер. Уточнив номер стоянки моего корабля, места, которые я хочу посетить, а также общее время, в течение которого нужна охрана, он оценил услуги в триста кредитов, помимо уже внесенного аванса.

Отступать было некуда, и я согласился. Ровно через час, как и обещал диспетчер, на моем коммуникаторе прозвенел звонок голосовязи: ответив, я увидел коренастого человека в сопровождении каких-то странных механизмов. Я быстро перевел остатки суммы на счет фирмы и, накинув куртку, вышел из корабля.

Телохранитель стоял возле трапа и ждал, пока я спущусь. Посмотрев на меня сверху вниз, он вежливо поздоровался. Два устрашающего вида робота неподвижно стояли за его спиной.

– Не будем терять времени, – сказал он мне. – Маршрут остается прежним?

Я кивнул, не отводя взгляда от сопровождающих его роботов: ярко-красные, низ на

гусеничной тяге, а верх человекоподобный. В руках, на плечах и нижней платформе виднелись разнообразные приспособления, похожие на оружие. Телохранитель, заметив мой интерес, спросил:

– Что, впервые видишь берсеркеров-солдат?

Я повернулся к нему:

– Да. А что за берсеркеры?

Человек очень удивился:

– Ты не знаешь, кто такие берсеркеры? Откуда ты прилетел?

Я назвал планету из легенды о своем происхождении. Он покачал головой:

– Никогда не слышал о такой. Но даже если вас не затронула та война, то хотя бы новости и архивы программ должны же были у вас показывать? Ну хотя бы в школе историю войны с роботами преподавать обязаны.

Я вкратце пересказал ему свою легенду.

Покивав, он сказал:

– Да уж, обычное дело для нашего времени. После войны с берсеркерами многие охотники, чтобы хоть как-то прокормиться, занялись пиратством. Сейчас почти не встретишь честных охотников, многие разорились и продали свои корабли. Не стало частей берсеркеров – не стало прибыли.

Я поинтересовался, почему он говорит с такой грустью. Ответ оказался прост: он сам когда-то был охотником. Хотя с роботами повоевать и не успел, но все же застал то время, когда добычи было много, успевай только собирать. В последние пятьдесят лет роботы-бойцы, а также их комплектующие – невероятная редкость, найти их сложно, так что ему пришлось продать свой корабль и податься в телохранители.

– А к вам эти роботы как попали? – поинтересовался я.

Он засмеялся:

– Парень, будь эти роботы моими, я бы сейчас сидел в офисе и попивал горячительный коктейль, а не перся с тобой в богом забытую дыру контрабандистов. Роботы принадлежат фирме, на которую я работаю. Ладно, объясню тебе поподробнее – редко встретишь того, кому это интересно.

До того как был уничтожен последний командный центр келлеридов, все роботы и корабли других рас берсеркеров подлежали обязательному уничтожению. За соблюдением этой директивы строго следили военные, и за неисполнение была даже введена смертная казнь. Тогда все боялись, что центральный мозг берсеркеров сможет подчинить себе остановившиеся корабли, заводы терроидов и блазроидов.

После уничтожения мозга в горячке принялись разрушать все, что ранее принадлежало берсеркерам. Научные центры тоннами принимали обломки роботов, которые везли со всех концов галактики, и только спустя несколько лет директива была отменена и некоторые корпорации начали покупать целые корабли и роботов-берсеркеров для использования в своих целях. А когда ученые смогли, наконец, разгадать машинный код берсеркеров и стало возможным их перепрограммирование – начался настоящий бум, с огромным спросом на их наследие.

Лучших охранников не найти ни в космосе, ни на планетах. Только очень обеспеченные члены Содружества рас могли позволить себе купить берсеркера-солдата для использования его в качестве телохранителя. А корабли берсеркеров вообще никому не доступны, кроме военных и самых богатых членов Содружества.

Совсем недавно наладили выпуск роботов-телохранителей, похожих на оригинальных берсеркеров, но те сильно уступают своим прообразам. Состав сплава, из которого делались солдаты, а также сложнейшие блоки управления ими еще никому не удалось разгадать. Что смогли ученые – так только перепрограммировать их на систему опознавания «свой – чужой».

Даже на этих роботах, что ты видишь перед собой, нет тяжелого оружия, так как фирма не может себе позволить солдат-берсеркеров в полной боевой форме. Но даже такие – с легким и средним вооружением – эти два робота способны отразить атаку многократно превосходящих сил противника.

Закончив рассказ, телохранитель кинул взгляд на бесстрастно идущих рядом роботов.

– Даже страшно подумать, на что они способны, если их будет, например, сто, и все с тяжелым вооружением, – вздрогнув, сказал я.

– Думаю, будет хана и космопорту, и городу, – ответил телохранитель и замолк.

Мы миновали толпы пентагрионов, оккупировавших выход из космопорта. Все они наперебой предлагали что-то купить или продать, звучали предложения приобрести мой корабль за огромные – по их понятиям – деньги, кредитов за двести. Я немного удивился тому обстоятельству, что им известно все о модели моего корабля и о том, что именно я являюсь его владельцем. Позже я узнал, что сведения обо всех прилетающих кораблях утекают от служащих порта к мафиозным структурам города, а те, таким образом, присматривают свои будущие жертвы. Но после недвусмысленной команды телохранителя и роботов, изготовившихся к бою, к нам перестали навязываться с торговыми предложениями, ограничив круг своих интересов другими существами, покидающими космопорт. Я понял, что наем охраны оказался верным решением.

Пункт, указанный в рекламе, находился на окраине города, как раз не слишком далеко от космопорта. Проходя квартал за кварталом, я постоянно наткнулся на оценивающие взоры многих существ, но, к счастью, репутации берсеркеров оказалось достаточно для того, чтобы на нас никто не напал. Зайдя в небольшой магазин по нужному мне адресу, я заинтересовался у подбежавшего ко мне пентагриона:

– Могу ли я продать вам предметы астанской роскоши?

Получив ответ – мол, лучшего места для подобной торговой операции я даже не могу себе представить, – мы с пентагрионом приступили к процессу. Опыт китайского рынка в моем поселке оказался здесь как нельзя кстати, так что я ухитрился продать свой товар даже за большие деньги, чем рассчитывал. Договорившись с хозяином о месте и времени передачи товара, мы расстались, весьма довольные друг другом, а я стал обладателем своих первых денег в этой галактике. Натрговать мне удалось две тысячи триста кредитов.

Выйдя из магазина, мы направились по следующему адресу. Заведение, обозначенное на карте, было расположено неподалеку. Оно ничем не отличалось от предыдущего, разве что глазки хозяина бегали чересчур быстро. Узнав, что меня интересует дроид и генератор защитного поля, он очень обрадовался, сказав, что только и именно для меня у него имеются отличные варианты, причем всего лишь за каких-то две тысячи кредитов.

[Купить полную версию книги](#)